

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА
ВРЕМЕНА ГОДА
БЕЛАЯ
ВЕСНА

Галина Дмитриевна Гончарова
Белая весна

Серия «Времена года», книга 3

Серия «Колдовские миры

Галины Гончаровой»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67302917

Времена года. Белая весна: Эксмо; М.; 2022

ISBN 978-5-04-166731-3

Аннотация

Третья часть нашумевшего цикла Галины Гончаровой "Белая весна" рассказывает о продолжении приключений Яны и Ани в борьбе со Смертью и судьбой...

Яна продолжает свое путешествие. Сына она нашла, замечательно. Теперь надо вывезти ребенка из разоренной войной Русины, надо найти для него друзей, сопровождающих, опекуна, безопасное место... хочется очень многого. Но получится ли?

В условиях гражданской войны, когда брат идет на брата и войска немногих верных императору рвутся к столице, когда нельзя доверять никому, когда человеческая жизнь становится дешевле куска хлеба... Главное – выжить и сберечь детей. Задача

нетривиальная, но Яна справляется, и даже то, что в ней опознали императрицу, не помешает.

Свои беды и горести есть и у Анны. У нее угрожают отобрать ребенка. Воспитанница постоянно влипает в неприятности. Да и любовь... ох уж эта любовь, которая обрушилась, завертела, закружила... и так хочется кусочка простого человеческого счастья!

А время, данное Хеллой, уже на исходе...

Прочитав эту книгу, вы сможете:

– Увидеть, как затейливо складывается мозаика из военных действий и жизненных ситуаций, как сплетаются судьбы и воспитываются характеры.

– Узнать, как отражаются друг в друге две разные судьбы, два времени, две души.

– Выяснить, можно ли найти в нашем обществе место для девушки начала двадцатого века, а в том сложном времени – место для современной девушки.

– Еще раз убедиться, что бесполезных знаний не бывает. Даже если не пригодятся сейчас – выползут в нужную минуту!

– Получить полезные сведения о том, как использовать насекомых в борьбе с назойливыми женихами, а также где водятся упыри и как с ними бороться.

– Понять, что страшнее: иметь и потерять – или не иметь и не знать.

Содержание

Глава 1. Женщина там на горе сидела.	6
Глава 2. Травы ли, ветром склоненные...	48
Глава 3. Ты не видала? Что-то шептала... руду унимала?	90
Глава 4. Или сердце свое горячее?	120
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Галина Дмитриевна Гончарова Времена года. Белая весна

*Женщина там на горе сидела.
Ворожила над травами сонными...
Ты не слыхала? Что шелестело?!*

Аделаида Герцык. «Весна»

© Гончарова Г.Д., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1. Женщина там на горе сидела.

Ворожила над травами сонными... Ты не слыхала? Что шелестело?

Яна, Русина. Синедольск

План писали на бумаге, но забыли про детей. А те быстро перевели оную бумагу в туалетную. Судьба такая.

Когда у тебя на руках четверо малышей, когда ты женщина, когда ты находишься в городе, а город в стране, охваченной революцией... да и с деньгами у тебя не так чтобы очень и весело. Нет у Яны миллионов и не... ладно. Были. Но фамильные драгоценности она сама отправила с сестренкой и сейчас даже гадать не станет, где они все находятся.

А деньги...

Деньги таяли.

Вы знаете, сколько стоят продукты?

Скоро за паршивую курицу будут сотню драть бумажками, и то – не достать. Золотом, понятно, меньше, но тут есть еще одна тонкость. Та самая, от которой погибла несчастная Аксинья.

Женщина. Деньги. Смутное время.

Дальше – объяснять или дураков нет? То-то и оно, что грязи много лезет. Яна подумала, да и договорилась с трактирщиком, что будет к нему пару раз в день приходить за продуктами.

Когда?

А это уж она сама скажет, чтобы не примелькаться, в одно и то же время. И все равно...

Жить в трактире? Матвей предлагал, но Яна не решилась. Четверо. Детей.

Трое – маленьких. Подвижных. У которых только на время болезни есть определенные проблемы, а так... шилохвостики! И нет иного слова!

Это нереально. Она за ними уследить не сможет и уберечь тоже не сможет. Это трактир, а не монастырь... хотя в монастыре она тоже побывала. Хватит нам таких радостей! Только закрытая территория! Своя!

А насчет стресса она чуточку ошиблась.

Сначала заболел Гошка. И провалялся в кровати чуть не десять дней. Яна строго следила за состоянием сына. А как тут иначе? До антибиотиков – как до мирного времени, далеко и долго, а Хелла... она вообще не по лечебной части. Были у Яны подозрения, что если она у сына болячку запустит, так ей никакая богиня не поможет. А еще догонит и добавит. И права будет.

Что ей стоит выдержать сына в кровати подольше? Чтобы

все симптомы ушли, в том числе и кашель? Тяжелый, нутряной, выматывающий...

В таком состоянии она мальчишку никуда не повезет, это ясно. Зима... загнется же на дороге! А у нее другая цель! Так что дней десять Гошка лежал. А когда Яна порадовалась, что ему можно хотя бы по дому бегать (в теплом свитере и шерстяных носочках), свалились на пару Мишка и Машка. Где-то она не уследила.

Или инфекция какая?

Все возможно, здесь и сейчас не определить. Анализ крови нужен, а кто его сделает? Доктора найти можно, но... Яна тупо боялась вести его в дом, к детям. По той же печальной причине.

Она знала, что творилось в России в девяностые. Чтобы врач спокойно практиковал в тяжелые сложные времена, ему что нужно? Правильно, крыша.

Не та, что на доме, а та, что поможет, охрану предоставит, защитит... ну и посмотрит, кто пришел, чем отблагодарил...

Поэтому Яна плюнула и положилась на свои знания. Лес же! Кордон! Фитотерапия? Да, практически – это наше все. Чабрец, душица, лишайник, который пармелия, зверобой, лист малины и земляники...

Ненаучно? Скушай, деточка, таблеточку?

Ага... к Янинному отцу на кордон за барсучьим жиром приезжали. И платили золотом по весу. И так платили, сколько Петр просил, хоть он и не жадничал. Один из муж-

чин для матери брал, говорил, что только это и помогло. А Петру все было в радость. Ему и траву было запарить несложно, Яна еще и охотно помогала, и засушить правильно – это ж тоже важно! А то скосят лопух косой, чуть ли не под заббором, а потом плачутся!

Чтобы трава помогала, думать надо! У нее есть свое время сбора, свой срок, свои правила, и сушить ее надо по-разному, и употреблять тоже... на все умение нужно!

У Яны оно было. Барсучьего жира она, конечно, здесь не нашла, пришлось гусиным обходиться, ну так хоть что-то!

Настойки, отвары, мази...

На ноги она детей поставила, заодно и Топычу для профилактики досталось фитотерапии, но времени прошло... едва не месяц! А может, и к лучшему. В не испорченной промышленностью и демократией Русине погода разыгралась не на шутку. Кружило, пуржило, выюжило... и сугробы навалило до второго этажа, без всякой экологической катастрофы!

Ехать куда-то?

Яна и одна бы по такой погоде не рискнула. Сугробы были – неубиваемые и непобедимые, по улице не пройдешь, только с лопатой наперевес! На первом этаже даже днем темно-вато было. Да оно и к лучшему, пожалуй. Те окна, что во двор, Яна отчистила, там дети и играли. А так...

Через такой снег никто лишних огоньков не увидит, даже если поймут, что дом жилой... не поймут ни кто живет, ни сколько человек внутри. А значит, и не полезут.

В логике шакалам смутного времени тоже отказать нельзя. Ни один отморозок не полезет в клетку, не зная, кто его ждет.

Мышь? Корова? Крокодил? Голодный ягуар, приветливо облизывающийся на твою печенку? Проверять – себе дороже, лучше поискать добычу попроще и полегче. Себе по зубам.

Хотя учить детей законной самозащите Яна уже начала. И начала с простенькой игры: ножички. Расчертил круг, кинул нож, если тот воткнулся – отсекаешь у соперника кусок территории. Упал? Пропуск хода...

Яна под это дело целую комнату выделила. И плевать на деревянный пол! Ей здесь не век вековать! А ножи...

Пусть учатся.

Под присмотром Топыча, под приглядом самой Яны, но учатся. Потому как поди метни нож – правильно.

А еще праща и мишени, нарисованные на стене. И приз за лучшее попадание.

Города, скамейки, бабки-дедки, танчики...²

А морской бой с ножиками? А футбол с ними же?

Дети были счастливы. Дети были заняты. Яна была довольна. И энергия расходуется, и по делу, не просто так... Машка крутилась рядом с ней на кухне, спрашивала про травы, потом опять удирала играть с мальчиками. Раньше не да-

² Возможно, у кого-то игры в ножички назывались иначе. Автор не претендует, но в детстве – обожала! С полного разрешения родителей. (Прим. авт.)

вали, а так интересно было! И никакого вышивания!

Зато сказки по вечерам! И какие!!!

Дети слушали, открыв рты. Уж что-что, а книг Яна прочитала достаточно, сериалы смотрела, было о чем поведать малькам. Скука их не мучила, одного Льюиса с его Нарнией можно было год рассказывать. А вот безденежье...

Потому и стояла сейчас Яна на темной улице. И ждала подходящего момента. А началось это дело незаконное с самого обычного разговора.

* * *

– Благодарствую, Матвей Игнатьевич.

– Что вы, тора, это я вам благодарен. По нашим-то тяжким временам...

Яна вздохнула:

– И то верно. Может, скоро и ходить к вам не смогу.

– Деньги, тора?

– Деньги.

Матвей возвел глаза к небу:

– Да, тора, в страшное время мы живем. Когда у благородных людей последние медяки заканчиваются, а всякая мразь жирует да еще пальцы облизывает.

Яна подняла брови:

– Это ты про Комитет Освобождения? Или кого поближе нашел?

Дело нехитрое, если человек заводит разговор в духе: «это не вы, а обстоятельства», значит, у него и имя есть, и адрес, и даже подробности о личной жизни «обстоятельства». Это в любые времена так.

– Чего там искать, тора. Есть в Синедольске такой... Поганец.

– Это имя или прозвище?

– По имени-то он уважаемый Егор Михайлович, а вот по фамилии и впрямь – Поганец. Нарекли их род, значит, и не промахнулись.

– И что?

– Вот он долю малую собирает. Где с трактиров, где с чего...

Предок рэкета? Крышуем за деньги, несогласным вырываем фундамент по самый чердак?

Яна прищурилась:

– Матвей Игнатьевич, ты ведь не просто так этот разговор завел?

– Нет, не просто так, тора. Не хотите наверх подняться, по кружечке сбитня выпить?

– Кроватями поскрипеть? – прищурилась Яна.

– А хоть бы и ими...

– Пожалуй, можно...

Понятно, никаких сексуальных отношений между Яной и трактирщиком как не было, так и не было. Но уж больно прикрытие хорошее.

Уединились баба с мужиком? А зачем?

Подходит кто к двери, а оттуда и слышно, как кровать поскрипывает. Ну... понятное дело. Житейское.

Разговоры?

Да помилуйте, кто ж с бабой о делах разговаривает? Она ж БАБА!

Яна идеалы феминизма отстаивать не собиралась. Ей эта бредятина даром не нужна была! Сначала феминизм, а потом шпалы укладывать и асфальт? Разбежалась!

Поэтому – да, она баба! Тупая и глупая. И хорошо разбирается только в том, как картошку варить. А шпалы пусть умный мужчина укладывает.

В небольшой комнатке было чисто и уютно. Яна усе-лась на кровати и принялась ею поскрипывать. Жом Матвей устроился рядом, на стуле.

– Тора Яна, плохие времена наступают. Черные.

– Согласна. Уже наступили. На... это самое.

– В такие времена без денег плохо.

– В любые времена без денег плохо.

– Кому плохо, а кто и сейчас не бедствует. Вот этот самый

Поганец. Ему с каждого трактира, с каждой лавочки долю несут. Небольшую, я пару серебряных в десять дней плачу, а только трактиров много. И лавочек много. Так вот и набирается не одна сотня в месяц.

– А тебе откуда это известно? Да еще в подробностях? Неужто он тебя с попом перепутал и исповедался?

Жом Матвей насмешки и не заметил.

– Не мне, тора. Племяшка у меня, Сонька. Девка красивая, да не шибко везучая. Муж был, да зимой в полынью попал, поморозился. А бабе без мужика хозяйство поднять, что петуху на колокольню взлететь. Хоть все перья оставь – не получится.

– А ты не помог, что ли?

– Обижаете, тора. Я ей говорил, приходи, к себе возьму, а как обтешешься, в хороший дом пристрою.

– И пристроил?

– Если бы... у меня в трактире ее Кабан увидел.

– Кто?!

– Он дань для Поганца собирает.

– Ага... Потребовал приложить чего-нибудь к дани? Кого-нибудь?

– Сонька гулящей не была. Но иногда случалось... жизнь такая.

Яна кивнула.

Бывает. Здоровье – оно в любом мире здоровье. И молодое тело своего требует, что ж теперь – монашкой жить? Вдо-

ва – это не покойник, ей много чего надо!

– И с Кабаном случилось? По доброй воле?

– Почти что по доброй. Он предложил, а она отказываться не стала. Чего, мол, ломаться, не сотрется. Я Соньке говорил: уходи, а ей вот красивой жизни захотелось. Расстаралась племяшка, попала сначала к Кабану, от него к Поганцу...

– А потом?.. – догадалась Яна.

Чего уж там, и не такие истории слышала.

– А потом пропала. Как не бывало. Но про Поганца рассказать успела. И что на красивых баб он падок. И что деньги ему привозят, а уж он в конце месяца их в банк относит...

Яна задумалась.

– Считай, конец января на носу...

– У него и без денег, наверное, пожить можно. В доме сам Поганец, двое слуг да двое охранников.

– Слуги?

– Муж да жена. Она кухарит да убирает, он по хозяйству всякое разное делает.

– Понятно. Все, кроме одного: с чего ты мне это рассказываешь.

Темные глаза Матвея сверкнули тяжелой, неизбывной яростью. Из тех, что и за сто лет не потухнет, и за двести не рассеется. Такую и смерть не закроет.

– Сонька хоть и дура, а все ж... двое детей сиротами остались.

– На тебе?

– Ейная мамаша, моя сестрица, их забрала, а все одно, без мамки несладко. И я в том виноват.

– Ага, ты ее в постель подкладывал.

– Не я. Но убивать все ж не стоило.

Яна вздохнула.

А то у них такого не бывало. Как вообразит себя очередная метелка невероятной красавицей да умницей, так и вяпается. По уши. Сколько таких красивых по лесу находили... подснежники называются. На Янином счету три штуки было...

Как по ним потом родные убиваются...

Зато пожили красиво. Месяца два. Или даже полгода. Дуры.

– А от меня ты что хочешь?

– Половину, тора. Сведения мои.

– А риск мой. Там может больше людей оказаться...

– Без меня вы о том никогда не узнаете, ни дома, ни адреса...

Яна вздохнула.

Тоже верно.

– А еще... – Матвей улыбнулся краешком губ. – Говорят, у Поганца возок есть хороший! И кони что ветер. Сейчас они дороже золота.

Все.

Ради такой информации Яна готова была продаваться.

Возок! Фактически – карета на полозьях!

Она может погрузить всех своих обормотиков! Может погрузить запас продуктов. А лошадь...

Справится. Обязана. Ну и с Топычем посоветуется.

– Дай мне время подумать, Матвей.

– Месяц на исходе, тора.

– Авось до завтра не закончится.

– И то верно. Ежели что – за байки головой не платят...

Платят, вообще-то. Но Яна не стала заострять на этом внимание. Поскрипела еще немного кроватью, расстегнула пару пуговичек, попрощалась, да и пошла себе.

Чтобы дома поговорить с Топычем.

* * *

– Возок? Яна, это ж...

– Лошадь. Топыч, лошадь...

– А что с ней не так?

– Ты сможешь ее запрячь?

– Ну да... Чего там не смочь?

– А что надо лошади на день пути? Что она жрать будет?

– Энто... овес, сено...

– Энто – сколько в килограммах?

– Чего?

Яна вздохнула.

Как-то не сильно она с лошадьми возилась. Да, бывало и

такое на кордоне, но не слишком часто – «уазик» был куда как удобнее. И не гадил.

Совместными усилиями выяснилось, что лошади на день надо примерно двадцать – двадцать пять килограммов корма. Примерно пять кило овса, вдвое больше сена, а то и втрое, как работать будет, по паре килограммов отрубей и моркови. Соль нужна, вода нужна...

Воду придется топить в ведре, на костре. Потому как пьет взрослая лошадь до восьмидесяти литров в день. Воды, не водки.

Лошади нужно отдыхать – и кратко, и длительно. Лошадь нужно вываживать. Зимой, правда, лошадь пьет меньше. Но все равно – возня.

Это на картинах все так красиво и вальяжно, а в жизни... она еще и гадит. И растирать ее надо, и накрывать на ночь. Но выбора все равно нет.

Или они пробуют выбраться из города и добраться до деда Мишки и Машки, или...

Еще не факт, кстати, что Федор Михайлович Меншиков не уехал. Что дождется их...

Что им повезет...

Марфа, конечно, говорила, что отец ждет. Ну так... сроки-то все, небось, прошли! Прохор и свою семью погубил, и ей хомут на шею нашел... ладно! Что Мишка, что Машка – два солнышка. Ради таких и задержаться не жалко, Яна б себе в жизни не простила, пройди она мимо. Но их отца это

ни капельки не оправдывало.

Топыч был настроен вполне уверенно, фуражом Яна собиралась разжиться в доме у Поганца, там и в сани погрузить. Вот как коня запрячь...

Черт его знает! Но есть другой вариант. Если все складывается – рысью за Топычем, а уж с ним и запрягать, и все остальное...

Яна отлично понимала, что если они возьмут этот куш... уходить придется сразу. И быстро. Разве что трактирщику его долю завезти.

Матвея тоже понять можно: Яна для него идеальный вариант. Крови не боится, одиночка, мало того, скоро из города вовсе уйдет, никто и не узнает от нее ничего.

Кстати, о Матвее...

Яна почесала кончик носа и решила наведаться к Матвею за маленьким мастер-классом. А чего?

Пусть он ее научит, как правильно запрягать лошадь! Вот и решится проблема, и за Топычем бегать не надо будет.

* * *

Лошадь Яна запрягала раз двадцать. Потом поняла, что не запутается во всей этой сбруе, и выдохнула. Теперь она не перепутает чересседельник с седелкой, а шлею с трензелем. Который, кстати, надо согреть в ладонях, а то железо холодное, а рот у лошади нежный.

Тьфу, блин!

Зачет по философии получить легче, чем лошадь заседлать! А еще эта коняга любит брюхо надувать. А этого никак нельзя делать, сбруя свалится...

А еще лошадь лягается, кусается (больно) и толкается крупом (пóпом! Исподтишка!!!). Скотина! Еще и на ногу наступить норовит...

Определенно, Яна не любила лошадей.

А сейчас стояла, смотрела на симпатичный такой домик в два этажа, крепенький, каменный, на основательном (еще три этажа надстрой – выдержит!) фундаменте, и думала, что ломиться в ворота плохая идея. И лезть через забор – тоже. Там во дворе три собаки. Здоровущие...

Можно перетравить, но жалко. Сонного зелья подсыпать? Так пока еще подействует, дурак не всполошится...

А если...

Идея была шальной и дурной, но почему бы ей не сработать? Ежели что?

И Яна закопалась в барахло, которое было в доме.

Вот когда настала пора вспомнить добрым матерным словом троих бандитов. Вещи, которые они нашакалили, Яна как в одной из комнат свалила, так и забыла. А там было кое-что нужное. Ей.

Крытая шубка, в самый раз.

Ну и шмотки кое-какие... юбка точно была... была велика раза в два. Яна плюнула, пробила ее дырками и утянула

ремнем. Ушивать?

Идите вы, граждане! Она потом эту юбку Топычу отдаст! Лошадь укрывать! Принципиально!!!

Шитье она терпеть не могла. Но для первой стадии операции необходим был приличный внешний вид.

* * *

Собаки беспокоились.

– Канава, поди выйди? Глянь, чего твои шавки бесятся?

Бандит с лирическим прозвищем Канава, в девичестве – Фролка, лениво зевнул.

– А... их знает!

– Сказано тебе – глянь! – нахмурился хозяин.

Повод для беспокойства у Егора свет Михайловича был! Денег в доме хранилось... много. Очень много. Да не бумажками, а серебром, золотом... Опасно? А каждый день в банк не наносишься, да и где тот банк сейчас! Надо в соседний город ехать, а погода-то разгулялась, вот и пришлось задержаться.

А за деньги боязно.

В такие страшные времена живем... тут и ограбить могут, и красного петуха пустить... ничего святого у людей нет! Со всем Единый забыл о чадах своих!

Егор благочестиво сотворил знак Единого.

И в церковь-то сейчас не сходишь... воистину, горе! Рань-

ше-то как! Придешь, с батюшкой честь по чести побеседуешь, милостыньку раздашь, колокола послушаешь... говорят, колокольным звоном душа очищается. А сейчас... ох и тяжело жить на свете!

На улице хлопнул выстрел.

Потом еще один.

Тут уж мужики не стали чесаться, а накинули кто что – и вылетели наружу. Бесились, лаяли собаки. А потом послышались быстрые шаги по тихой улице и отчаянный голос:

– ПОМОГИТЕ!!!

Женский голос.

Молодой!

– Хелп ми!!! Эдэ муа, силь ву плэ!

Мужчины переглянулись. Егор кивнул одному из подручных, и Кабан выглянул за калитку.

Прямо на них бежала женщина. Явно молодая, красивая, в дорогом полушубке.

– Эдэ муа...

Не добежав пары шагов, она рухнула прямо в сугроб. Кажется, потеряла сознание.

Мужчины переглянулись. Ну был, был у Егора такой недостаток, падок он на красоток. А уж в нынешние времена, когда настоящих прелестниц днем с фонарем не сыщешь...

– Заноси. Посмотрим, что за штучка.

Кабан пожал печами и поднял женщину из сугроба. Ему это было несложно.

Егор пригляделся.

Ну... не идеал. Но красивая. Правильное лицо, густые волосы, дорогая шуба, юбка тоже недешевая... и руки такие холеные. Видно, что тора.

Шапочка эта дурацкая... кто в такой – да зимой? Похожа на кружок из меха на самой макушке! Сразу видно, дама из экипажа.

– Силь ву плэ...

– Это по-каковски?

– Кажись, по-ламермурски, – почесал нос Егор. – Тора, вы в себя пришли?

– Уи... нуа авон кондю... нуа аттак...

– Аттак... понятно. А сколько их было?

– Труа...

– Тоже понятно, трое...

– Мон пьепль се бат куражьюсьмен...

– Чего?

Яна прекратила коверкать ламермурское наречие и перешла на нормальный язык³.

– Помогите, умоляю...

– Чего случилось-то, тора?

– Мы ехали к дяде... мой дядя Феодор Меншиков. На нас напали. Мои люди храбро сражались...

– Федор Меншиков? Купец, жама?

³ Искаженный французский, перевод: «Мы ехали, на нас напали, мои люди храбро сражались...» ОЧЕНЬ искаженный французский. (Прим. авт.)

– Тора, тора Сильен, его сестра, моя мать, вышла замуж в Ламьермур...

– Ага...

– Мой экипаж...

– Понятно. Кабан, ты тору в дом неси. Канава, погляди вокруг, чего тут произошло...

– Умоляю!

Хелла его разберет, какой акцент получался у Яны, но местные бандиты тоже университетов не заканчивали. Авось и сойдет для сельской местности. Главное она донесла.

Дамочка ехала к дяде, купцу, миллионщику... напали, она умудрилась удрать...

В принципе – бывает.

Что требовалось Яне?

Попасть в дом, минуя собак. А дальше...

Даром ли она практиковалась на гопниках? Заветная фраза работает, хоть ты ногами к потолку приклейся и ее произнеси. Все одно враг к Хелле отправится.

Жалко? Бандитов? Шутить изволите, господа? Яна б их и в мирное время – без конвенций, одними танками. Потом помыть гусеницы и забыть про сволочей! А уж в годину бедствий для отчизны и вовсе таких миловать грешно! Больше тварей перестреляет – больше людей спасет. Так-то!

И явно тут хозяин не добром свои капиталы нажил. Даже сейчас в доме тепло и уютно, жареным мясом пахнет, все окна горят, ничего он не боится, клоп. И смертей у него за

душой много... откуда-то Яна это точно знала. Благословение Хеллы?

Может, и так. Кому, как не богине Смерти, душегубов видеть?

Сильно Яна не заморачивалась. Изображала полудохлую маргаритку, обвисала в лучших традициях романов, а сама оглядывалась. Хотя хозяева и расслабились чуток.

Что такое одна баба?

Да ничего! Не было в этом мире Лары Крофт! Или, если брать историю, кавалерист-девицы. Не ждали здесь подвоха от БАБЫ! Ну и оружие убрали.

Яна стреляла глазками по сторонам, пока не дошли до гостиной. А потом, когда ее опустили на диван, нежно прошептала:

– Благодарю... же санс мерси...

– Не за что, тора.

– Ви... уи... как есть ваше благородное имья?

– Егор Михайлович я, – не стал называть фамилию Поганец. И убирать оружие – тоже. Хотя Яна и так не сомневалась, что по нужному адресу пришла. Осталась последняя проверка.

– Денежку в банк вы еще не отвезли, любезнейший?

Судя по вспыхнувшим глазам – нет. А значит...

– Умри, во имя Хеллы.

Тихо-тихо, едва слышно... только вот фраза все равно сработала. Жрице Хеллы – достаточно. Поганец осел, как

подрубленный, а Яна встала с дивана, избавилась от шубы и юбки – и завизжала.

Первым в двери влетел Кабан. Он первую пулю и получил. Вторым – незнакомый пока Яне слуга. Вторую.

– Именем Хеллы!

Меткость у девушки не пострадала, и расстреливала она людей, как в тире. Страшно? Ну так... сколько она уже прошла! Все границы стерлись уже.

Непорядочно это?

Сложный вопрос. Она не бедняков грабит, она фактически девушка Робин Гуд. Которая у богатых брала, а бедным давала.

Яна едва не хихикнула, вспомнив пошлый анекдот, но сдержалась.

Кто должен остаться?

Правильно, служанка и второй охранник, который послан за пределы дома. Ну, коли так... пошли причинять справедливость и вершить добро!

Со служанкой они встретились в коридоре. Прихватив оружие производства – чугунный сковородник, женщина храбро спешила на выручку мужу и хозяину.

Зря.

– Стоять!

Ага, остановить словом разогнавшуюся бабу? С тем же успехом, что и разогнавшийся поезд. Нереально!

Яна плюнула, да и выстрелила. Тетка осела на пол и завы-

ла. Пуля разорвала ей мягкие ткани бедра, на пол обильно полилась кровь.

– Перетяни рану, – Яна кинула ей пояс от шубы, – и отвечай. Сколько человек в доме? Всего? С хозяином?

– П-пятеро...

Не соврал Матвей.

– Кто?

– Я, Пашка, Кабан, Фролка... ну и хозяин, да...

Яна дождалась, пока тетка перетянет себе ногу, кстати, вполне умело, и прицелилась.

– Вытяни руки за спину, не то еще одну дырку сделаю.

Сделать петлю из прихваченной с собой веревки, захлестнуть на полных запястьях и затянуть. Не совсем то, что хотелось бы, таких надо по рукам-ногам увязывать, но хоть как...

Второй конец петли Яна захлестнула на дверной ручке так, что тетка оказалась полусогнутой. И тихо завывла.

– Неудобно? Зато жива, – бессердечно успокоила ее девушка.

И подумала, что стала законченной сволочью на этой войне. С другой стороны, не сиротский приют грабит. Чай, не от голода тетка опухла.

– Кабан! Ты где?!

О, а это Фролка, надо полагать?

Бандит пробежал к крыльцу, что тот лось.

– Кабан! Девка врет!

– Правда? – вежливо спросила Яна, появляясь из-за две-

ри. – Умри, во имя Хеллы.

Тело мягко осело в снег.

Яна поежилась. Вот тебе и «Авада Кедавра». Когда она читала про Гарри Поттера, она не понимала, что такого ужасного в этом заклинании. Чисто гипотетически – выстрел из пистолета даст те же результаты. Но... действительно страшно.

Когда хватает одного твоего слова, чтобы убить человека.
Брр!

И ледящим холодом по позвоночнику: Хелла, что ты с нами делаешь?

А что можно делать с живым мертвецом? Яна ведь УЖЕ умерла. Ее вернули на время, даже не в родной мир, она просто выживает в это тяжелое время, как может. И выживет! И детей вытащит! Так что девушка с чистой совестью вернулась в дом. Благо собаки на тех, кто выходит из дома, не нападали. Яна ведь не по двору шла, просто на крыльце стояла. Это для них было нормально.

Чего пустолаять?

Если человек в доме, если его туда хозяева провели, значит, без приказа его рвать не надо. Они умные. Ученые...

Но Яна сейчас думала не о собаках, а о кухарке. В сугубо практическом контексте.

Поговорим?

Две женщины ведь должны найти общий язык, верно?

Спустя двадцать минут Яна уже не была в этом так уверена. И жалела, что не оставила никого из мужиков для допроса. Баба колотья не желала, а пытаться женщину...

До такого Яна еще не дошла. Она бы и тех троих не тронула, просто убила, но тут уж... сорвало!

Поэтому девушка покрепче связала тетку и принялась обшаривать кабинет Поганца.

Перерыла письменный стол, быстро нашла приходную книгу, посмотрела порядок сумм, присвистнула...

Потом еще раз.

– Не ту страну назвали Гондурасом.

А что вы еще хотите услышать? Ежели этот умный и одаренный человек записал прямо на обложке тетради код от сейфа. Да, именно так: «Код сейфа» и набор цифр.

И хранил это все вот так, в письменном столе. А впрочем, кто бы рискнул к нему прийти?

На памяти Яны на кордон приезжал милейший человек, тихий такой старичок, без единой наколки на виду, улыбочивый... Яна к нему пару раз ездила, копчености отвозила. Случалось... какой хамон?! Вы копченый кабаний окорок пробовали? Да вы б на тот хамон и не посмотрели потом!

Дом у старичка был – олигархам на зависть. Снаружи вроде и скромно, но внутри...

Кто поверит, что у него висели Шишкин, Репин, Левитан, Айвазовский... просто на стенах висели. И не репродукции... такой экспозиции позавидовала бы половина государственных музеев. А финансированию, наверное, и все сразу. Включая Третьяковку и Эрмитаж.

Яна тогда поинтересовалась по наивности, не боится ли он ограбления, и очень насмешила старичка. Крупного уголовного авторитета. Вора в законе.

Видимо, Поганец тоже ничего не боялся. Но сейф все равно открывала тетка, под прицелом.

Нет, ловушки не было. Металлическая дверца шелкнула и отворилась.

Хм, а неплохо у нас криминал заколачивает в смутное время! Сейф просто был битком забит. И, надо полагать, не собачьим кормом.

Яна пнула к тетке заранее запасенный рюкзак, лично ею сшитый (ГРРРРР!) из плотного покрывала. Рюкзак получился в желтых шелковых розах, ну и что? Важна не форма, а содержание...

Ох...

Килограммов сорок.

И это наверняка еще не все. Яна не стала бы хранить все яйца в одной корзине. А потому...

Тетка была привязана снова, так, чтобы ни до чего не дотянулась и не отвязалась, Яна всунула ей кляп, чтобы не слышать угроз, которыми сыпала героиня, и отправилась по

особняку.

Барахло?

Ни к чему!

Не устояла Яна только перед меховыми полостями. Сობоль!

Бог мой! Легкие, пушистые, теплые... ей самое верное дело, с детьми-то! Так что меха она сгребла не глядя. Запаслась продуктами: окорока, копчености, несколько кусков мяса – ей детей кормить в дороге, а больше ничего брать и не надо.

Ну, оружие.

Немного.

Пару ножей Яна прикарманила. Не кухонных, понятно. Роскошных, из булатной стали, с идеальной балансировкой, с такой острой кромкой, что на ней волос распадался! Понимать надо!

Грабеж?

После того как Яна обшарила подвал, угрызения совести у нее исчезли раз и навсегда.

Ключи она позаимствовала у тетки. Подвал был под всем домом, добротный, крепкий, хорошо оборудованный, с отдельными комнатами для солений, копчений, сыров...

С кучей всякого добра, которое Яна даже перекапывать не стала.

А еще...

Говорите, БДСМ? Говорите, пятьдесят оттенков? Двадцать первый век?

Черта с два! Извращенцы во все времена были! И оборудованная по последнему писку моды пыточная Яну лишний раз в этом убедила.

А что для извращенцев...

А зачем иначе козлы бархатом оббивать? И крест тоже... похожий, и, pardon, разные имитаторы запчастей организма на полочке разложены. А в той маленькой комнатке что?

Яна приоткрыла дверь.

И сильно об этом пожалела.

Там... пахло. И она знала этот запах. Кладбищенский, могильный, и пол там земляной, и словно... неплотный такой. Неутоптаный. Яна готова была дать ухо на отсечение, что это – могильник. Но раскапывать и проверять она точно не станет.

Ох-х-х...

А ведь может и так быть. Допросили – и в расход. Заигрался – и доигрался. Всякое бывает... и здесь закапывали тех, кто участвовал в играх. Добровольно ли, нет ли...

Впечатление было откровенно жуткое.

Еще рядом доски стояли. Если кто придет, такие на пол бросить – дело минуты. И все прикрыто... страшно? Больше, чем страшно. Бесчеловечно. Это уже не люди. Нелюди. И жалеть их – последнее дело. По трудам и награда вам будет...

Яна посидела несколько минут прямо на пыточной скамье, приходя в себя, и медленно, словно к каждой ноге гирию

привязали, выбралась из комнаты.

Тайники?

Да пошло все к..., в... и на...! По свободному выбору! Не могла Яна больше оставаться в этом подвале, не могла!!! Кое-как вылезла в кухню – и ее вывернуло наизнанку.

Хватит им с Матвеем и найденного. А еще... она трактирщику скажет самому здесь порыться. Что найдет, что унесет... да хоть бы и все выгреб! Только с собаками надо решить вопрос.

Яна вернулась к тетке.

Та времени не теряла и активно пыталась освободиться. Ага, размечталась! Это не кино, где из любых наручников выворачиваются. Не освободят тебя люди добрые, так и подохнешь. А они – не освободят, потому как Яна вернулась.

– Ты знала о пыточной в подвале?

Вопрос был задан чисто для проформы. Тетка знала, Яна это отчетливо видела. И испытывала желание убить.

Неудержимое.

Спуститься в пыточную и устроить ей сессию. В кои-то веки она понимала бэдээсэмщиков! Аж руки чесались взять палку, или плетку, или все сразу, ну и применить по назначению! Без всяких стоп-слов. Но некогда. И нельзя...

– Если привяжешь собак – я тебя не убью. Не привяжешь – пеняй на себя.

Освобожденная от кляпа тетка сплюнула на пол.

– Да пошла ты... все равно убьешь!

Яна качнула головой:

– Сыном клянусь. Его здоровьем.

Тетка задумалась, но пожить ей еще хотелось. Так что Яна развязала ей руки и держала под прицелом, пока та накладывала собакам еду, пока их привязывала... Собак Яне было жалко, но...

Людей жалеть не успеваешь!

Куда там бедным песикам!

* * *

Запрягать Яне пришлось самой.

Кажется, это называется «двуколка»? Или двуконка? Когда две лошади в одной упряжке?

Яна материлась, шипела, скрипела зубами, но кое-как разобралась. Хорошо еще, кони попались добрые и смирные. Казалось бы, как в двадцать первом веке бандюки заводят себе породистые «Мерседесы», так и Поганец должен был поставить в конюшне ахалтекинца или араба, кто тут в моде?

Ан нет.

Стояли в конюшне два битюга, которые обладали флегматичным нравом и явно высоким коэффициентом интеллекта.

А может, им понравился сахар, который Яна щедро скормила лошадкам? Или подсоленный хлеб? Памятуя, что разные лошади любят разные вещи, кто соленое, кто сладкое,

она и то и другое с собой захватила.

Коняшки слопали все и, кажется, были не против продолжения банкета.

Сани тоже стояли в сарае.

Вроде бы это называется «возок». Небольшой, крытый, на полозьях, а внутри... Яна оценила! Проблем с ночлегом у нее не будет. Малявок будем укладывать спать прямо в возке. Обитом изнутри натуральным бархатом! А сиденья тут!

Рессоры!

Окна, забранные толстым стеклом и открывающиеся движением пальца, всякие лампы, место для багажа под сиденьем, для обуви... даже мини-бар есть. И не пустой.

Бутылки Яна выкидывать не стала.

Роскошь!

В чистом и откровенно вульгарном виде. Соболиный мех сюда отлично вписался, кстати.

Яна фыркнула. И подумала, что все получается забавно. Как-никак она имеет право на подобную роскошь. Она здесь и сейчас...

А кто – она?

Руки сами собой укладывали багаж, а Яна вдруг задумалась. Бросила взгляд на перстень с черным камнем. А правда – кто?!

Ответ у нее был. Но – неприятный.

Петер Воронов перед смертью передал ей перстень... и наследство? Ох, похоже.

Но тогда она здесь и сейчас... императрица? М-да... но ведь вполне вероятно. Или это считается только после коронации?

Кажется, да. До коронации она наследница, после... а вот что собой представляет коронация?

Миропомазание, церемония на глазах у толпы, принятие регалий... Хелла, твои шуточки?!

Богиня!!!

Регалии Яна получила. Церемония в храме в глазах Хеллы никакого веса не имеет. А что – имеет? Яна порылась в памяти Анны и нашла ответ.

Фамильная часовня, в которой император проводил ночь после коронации. Всегда.

Один.

Аделина Шеллес-Альденская еще очень сердилась, что ей не удалось переломить упрямство Петера в этом вопросе. Надо было ее тоже взять с собой, а он был один... часовня?

Или храм Хеллы?

Что-то Яна подозревала подобное.

И что ей с этим делать?

Да ничего! До конца лета найти того, кто снимет эту ношу с ее плеч, и не думать о всяких глупостях!

Русина, Звенигород

Ох, нелегкая это работа – выполнять приказ идиота!

Классик не так сказал, конечно, но классик и не видел того, что сейчас творилось в Звенигороде.

Жом Пламенный решил воевать с символами прошлого царствования, а именно с Царь-колоколом и Царь-пушкой. Время как раз подходящее, праздники прошли, никому до символов и дела нет, надо работать. И начать ему восхотелось именно с колокола. Пушка помалкивала, а вот эта колокольная сволочь звонила, как будто его кто за язык тянул! Вот и надо его...

Что можно сделать с колоколом?

Снять и скинуть вниз. И лучше это сделать ночью, потому как утром...

Народ у нас тупой, народ может не понять, что это для его блага, народ может начать протестовать. Колокольня, святость и прочие глупости! Тьфу!

Потому Пламенный распорядился снимать колокол ночью. Это же должно быть несложно?

Правда же?

Чистая правда!

Все удалось ововожденцам! На колокольню залезли, до колокола добрались, ручки протянули, полезли... доски подломились. Шестеро сразу вниз загремели костями, четверых кое-как снять удалось. Без колокола, конечно.

Убрали трупы, закинули веревки, крючья, опять полезли...

Минус четыре веревки и еще четверо человек.

Пламенный только зубами заскрипел.

– Вы что – издеваетесь?! Не могли нормальные взять?!

Следующую партию веревок он проверил лично.

Опять закинули крючья, полезли...

Показалось Пламенному – или в вышине мелькнуло что-то белое? Сова? СОВА?!

Минус еще четверо людей. Потому как крючья повылетали из стен. Пламенный приказал принести их и лично принялся осматривать. Выругался в три этажа с чердачком, приказал прекратить работы и ушел. Куда?

Его дело... освобожденцам не до того было. Трупы надо было убирать...

* * *

– Пламенный, ты не о... полоумел? – нежно поинтересовался Тигр, к которому жом Пламенный ворвался ночью, наплевав и на время суток, и на приличия, и даже на охрану. Благо Комитет Освобождения сейчас весь квартировал в императорском дворце, в Звенигороде. Места хватало.

Поди задержи такого!

Глаза, что у бешеного таракана, изо рта только пены не хватает, и размахивает чем-то непонятным. Вроде как веревки какие-то...

Допился? Простите, перенапрягся, думая о судьбе Руси-ны?

Жом Пламенный ответил восьмиэтажным.

– Ты знаешь, что это такое?!

– Веревки?

Из рта Пламенного опять полились матерные выражения.

В адрес нехорошего колокола, нехорошей Хеллы, Русины, жизни, ночи...

Тигр послушал-послушал, да и опять лег. А чего? Ночь на дворе, колыбельную поют, а спать он и не под такое может! В опере засыпал пару раз! А уж какие там голоса!

Пламенный потянул с него одеяло.

– Руки убери и давай по существу, а то пристрелю, – рыкнул Тигр.

– Пристрелишь – сам все это... разгребать будешь!

– Авось и разгребу. Так все же?

Пламенный рыкнул не хуже самого Тигра и коротко обрисовал ситуацию с колоколом. Тигр послушал-послушал, да и поинтересовался:

– А чего ты туда полез-то?

Простите, не удержался.

Ответом ему был злобный мат, и Пламенный наконец успокоился. Присел на край кровати.

– Ты понимаешь, получается, богиня – не шутка.

– А ты сомневался?

– Обычно они в дела людей не вмешиваются.

– А колокол в твои дела и не вмешивался. Висел себе и

висел. Ты к нему полез – ты и получил по заслугам.

– Я не рассчитывал на такое...

– Пламенный, а на что ты вообще рассчитываешь? Что удрать успеешь? В стране – бардак, и это мягко сказано. Страна разделена фактически на несколько частей, и мы контролируем только центр. На периферии возникают местные правительства, разные шайки и банды. Борхум облизывается со стороны, почему не лезет – сам не знаю. Зато Валежный ждать не будет, нападет.

Пламенный скрипнул зубами.

– Я надеюсь разбить Валежного.

– Допустим. А потом?

– Если мы это сделаем, считай, власть мы удержим. А банды потихоньку передавим за пару-тройку лет. Куда они денутся? Часть еще к нам на службу придет, кто поумнее, так друг друга и перережут.

– А крестьяне? Им сеять-жать надо, а не бандитов гонять.

– Перетерпят! Мы и за их свободу...

– Хватит нести мне эту ахинею, я в нее отродясь не верил, – огрызнулся Тигр. – Жене ее рассказывай, может, даст?

– Ты...

– Пламенный, давай конкретнее. То, что ты рот на всю страну раззявил...

– Ну, всю не получится. Что-то придется упустить, но со временем мы эти окраины опять к себе подтянем. Тут и голод пригодится.

Тигр только вздохнул.

Безнадежен.

Сидящий перед ним человек был попросту безнадежен. И сейчас можно было легко сформулировать разницу между ними. Пламенный любил власть, тянулся к ней, болел ею, словно наркотиком.

Для Тигра она была только средством сделать лучше. Как лопата: если ты видишь, что кто-то не умеет копать, забери, да и сделай сам. Авось быстрее получится!

– Пламенный, я это понял. А теперь ответь – на кой тебе колокол? Ты бы еще с монетами повоевал, на них же императорский профиль!

– Свою монету мы тоже чеканить начнем, даже не сомневайся. Дай время...

– А колокол оставь в покое.

– А символика?

– Там лестницы сломались? Вот и не лезь туда.

– Может, взорвать эту колокольню к Хелле?

Тигр качнул головой:

– Я тебя не поддержу.

– Почему?

– Специалистов не хватает. Сам понимаешь, эта башня в центре Кремля торчит, как больной зуб. А мы все вокруг нее ютимся. Что не так – и рухнет она на какое из зданий? Тебе оно надо, тут все чинить? Учти, это Кремль, надежный, более-менее защищенный, здесь можно задержать врага, мож-

но уйти, можно... да многое можно! А ты хочешь все испорчить?

– А пушка?

– Примерно то же самое. Если получится вручную убрать – хорошо. А взрывать не советую, потом не разгребем. И переезжать не хотелось бы, здесь-то мы все помещаемся, а как там?

Как – там, Пламенный себе не представлял. И о своей безопасности думал.

– Ты бы лучше наследника искал, – добавил Тигр.

– Наследницу.

– Че-го?

– А вот того. Я с Гаврюшей разговаривал. Петер мог передать трон только человеку, который по крови Воронов. Понимаешь? Даже жене – не мог! Только...

– Дочери?!

– Да. Одно условие – общая кровь. Второе – жертва. Третье – какое-то посвящение богине... коронация только для народа.

– Ты мне хочешь сказать, что у нас по стране болтается неучтенная императрица?!

– Не хочу. Но вынужден.

Тигр открыл рот.

Закрыл.

И внезапно, совершенно иррационально, подумал о Яне. А ведь она могла бы... могла...

Видимо, эта мысль так его шарахнула, что он и ляпнул, о чем подумал:

– Пламенный, у нас есть портреты императорской семьи? Чтоб из последних и не газетные? Узнаваемые?

– Найти можно. А что?

– Давай найдем, а уж потом...

Пламенный задумался. Нерастроченная энергия требовала выхода, почему бы и не такого? На колокольню он точно не полезет, хватит с него!

– Одевайся. Я через пять минут вернусь. Кажется, было то, что нам надо!

И вылетел за дверь.

* * *

Тигр медленно натянул кальсоны, штаны... да, спал он голым! И что? Он с собой в кровать никого не приглашал, сами явились, сами и огребете! Потому как штаны он не надевал, а вот револьвер под подушку клал. Два.

И кинжал на всякий случай.

Яна...

Слов не было.

Ничего не было. Только женская фигурка, которая спускается со сцены и идет к нему в облаке музыки. Идет, словно богиня.

Или – императрица.

Законная, коронованная... и ведь было у нее, кажется, какое-то кольцо. Но кто ж на бабские цацки смотрит? А стоило бы...

У Яны уши проколоты, это он точно помнил, но серьги она не носила. Ему нравилось прикусывать мочку нежного ушка, и девушка от этого вспыхивала, словно порох, в определенные моменты, но...

Но!

Кольцо было на ней всегда. Кажется, он даже как-то раз пошутил насчет брака, а Яна ответила, что это подарок близкого человека.

Но если примерять дальше?

Характер Яны, ее уверенность в себе, ее привычка командовать, ее манеры, ее...

А ее обращение с оружием?

Вы хотите сказать, что великих княжон учили убивать?

Не стрелять по мишеням или тарелочкам, не позировать на охоте, не загонять одну лисицу целым стадом, а именно убивать?

Жестоко, хладнокровно, совершенно спокойно и рассудочно... вы мне хотите сказать, что Петер мог научить дочерей – этому?! Да он сам ничего сделать не мог! Будь у него хоть половина таких способностей, Тигр бы в Русину и носа не казал. Оторвали бы. С головой. И шкуру на полоски распустили.

Но тогда – кто?!

Тигр осознал, что о жизни императорской семьи, о ее внутренней части он как-то не осведомлен. Внешне-то оно все просто и понятно.

Вот император, дурак и кровопийца. Его жена – иностранка и гадина, его дочери – рохли и мямли.

Или – не мямли? Назвать таким словом Яну, это как слона – летающим. Непредставимо!

Но откуда, откуда у них такие способности?!

Тигр вспомнил Яну и покачал головой.

Нереально. Если бы хоть две дочери Петера такое умели...

И?!

Если сам Петер их останавливал? А то ведь так и вышло... две дочери императора уцелели. Перебили всех людей Тигра, включая брата, и ушли. Могла Яна добраться до Ирольска?

Без сомнений!

А почему она тогда его не только не убила – наоборот? Очень даже... гхм!

Он бы убил. А она? Или он просто такое впечатление произвел, что его решили в живых оставить? Лестно, конечно, но... точно, произвел?

Тигр окончательно запутался в своих умопостроениях и возвращение Пламенного встретил почти с восторгом. А вот принесенную людьми здоровущую раму – без восторга. Пыли на ней было – половина веса! На них, кстати, тоже. И все

это в его комнаты? ГАДЫ!

– АПЧХИ!!! А-А-А-А-АПЧХИ!!! Что это такое?!

– Парадный императорский портрет. Год назад делали, императрица пожелала. Как раз все они...

– Ишь ты, как еще уцелел-то...

– А вот так. Не понравился чего-то бабе, вот и сослала в запасники со старым хламом. А мы там и не копались, считай. Так, зашли да вышли.

Полотно было здоровущим. Два на два, даже больше...

И пыльным.

И донельзя грязным.

И...

Когда Тигр лично протер его простыней, с раскрашенного холста на него глянули карие глаза самой удивительной на свете женщины.

– Яна...

Художник оказался талантлив до невероятности. И понятно, почему Аделина этот портрет возненавидела. Каким-то образом он отразил самую суть людей на холсте. Петер выглядел не мудрым и справедливым правителем, а тряпкой под каблучком супруги. Аделина – жестокой стервой. Младшая дочь – запуганным олененком, еще одна – будущей стервой, почище мамыши...

Яна...

Какой была Яна?

Тигр мог дать ответ.

Загадочной. Словно она знала некую тайну и не собиралась ее рассказывать. Диванная подушка с кирпичом внутри, об такое голову разобьешь, не глядя!

Яна, Яна...

– И где ты с ней сталкивался?

Голос Пламенного разорвал идиллию. А Тигр пока еще не придумал, что врать. И решил сказать правду.

– В Ирольске. Она сочинила гимн Освобождения, доехала со мной до Звенигорода, по дороге на нас напали, так она перестреляла половину нападающих, а потом затащила меня в постель.

– Великая княжна.

– Да. И ушла не прощаясь.

– В Звенигороде.

– Да.

Куда Пламенный послал всех драных полосатых кошек, уточнять не стоило. Но там им было бы темно, тесно и неудобно.

Глава 2. Травы ли, ветром склоненные... То струилось ли море колоса? Или женские вились волосы?

Яна, Синедольск

Хозяин трактира «Ржаной хлеб» не солгал Яне. Ни в чем.

Матвей прожил долгую и не всегда спокойную жизнь, повидал разного и был неглуп. А потому и Яну распознал достаточно быстро. Да она и не скрывалась.

Жама?

Не смешите мои тапочки! Порвутся поперек! Тора и только тора. Да еще с тех высот, на которые просто так не попадешь. Видно же!

Как она говорит, ходит, держится...

Особенно последнее. Торы всякие бывают, но эта... изначальная. Иначе и не скажешь. Из тех времен, когда титулы огнем и мечом брались, когда с кровью даровались, когда каждый год близких хоронить приходилось, чтобы родную землю сберечь...

А еще ей приходилось убивать.

И через труп она перешагнет спокойно. Даже не оглянется, когда дальше пойдет. Подумаешь, трупом больше, трупом меньше. Без нужды она убивать не станет, но при нужде – не задумается.

Кто поглупее, мог бы и не сообразить, а вот Матвей все сразу увидел. Был у него один знакомый, вот у него такие же глаза были. Словно изнутри вымороженные. И – огненные. Как это сочеталось? А вы представьте себе обледенелый вулкан. Спящий пока еще, но когда проснется и взорвется – мало никому не покажется! Этой женщине приходилось убивать и придется убивать еще не раз. У нее есть цель, и она ни перед чем не остановится, чтобы ее достичь.

Вставать на пути у такой?

Чревато. Несварением желудка, не приспособлены люди переваривать свинец, насильственно введенный в организм.

А вот аккуратно подтолкнуть, воспользоваться, получить свою выгоду... чутье бывалого трактирщика подсказывало Матвею, что дело-то с торой иметь можно. И нужно.

Только не обманывай – и все будет. Если с ней по-честному, так и она по-хорошему.

Убить?

Убивать можно тех, с кого отдачи не будет. Обратки, если хотите. По чьим следам никто не придет. А такую убьешь, пожалуй... потом не будешь знать, откуда ждать удара.

Нет, рисковать Матвей не собирался. А вот за племяшку поквитаться, ну и свою выгоду поиметь – почему бы нет? Он

был уверен, что тора расплатится по-честному.

А если и нет...

Дом он знает. За племянницу расплатится, а пошарить потом по-тихому... успеет. Хоть день, да его будет! Он в свою пользу найдет, что отжалеть...

Проблема в другом.

Яне он рассказал все, но вот когда она пойдет к Поганцу, тора не сказала. Объяснила, что обстановку разведать надо.

До конца месяца – и только.

Вот и жди, Матвейка, неизвестно чего, вот и дергайся от стука в окно... стука в окно?!

Трактирщик метнулся молнией, как был, в одном исподнем, и не сильно удивился, увидев через стекло серьезные глаза Яны. Только форточку дернул так, что жалобно стекло звякнуло. И рама, кажется, чуток треснула... починим! Бывает!

Женщина серьезно наблюдала за его действиями. Не улыбалась, не торопила. Стояла, смотрела. Совершенно обычная, и одета как обычно – штаны мужские, длинные, заправлены в сапоги. Куртка теплая. Шапка – простая, вязаная, и такие же вязаные шарф и перчатки. Ночью взглянешь, так с парнем перепутаешь. Все скромное, темное или коричневое, но добротное и удобное, стоит только увидеть, как тора двигается.

– Доброй ночи, жом Матвей.

– Доброй ночи, тора Яна.

– Вы не хотите ли прогуляться с девушкой... ну хоть в возке посидеть, пообщаться?

Тон был игривым. А вот глаза – серьезными. И рука под полой куртки... на рукояти пистолета? Вполне возможно.

Матвей поднял руки, показывая, что намерения у него самые мирные.

– Как скажете, тора, так и сделаем.

– Тогда выходите, поговорим.

Матвей кивнул и принялся одеваться. За себя он не боялся совершенно и оружие брать не собирался. Зачем? Смысла в этом нет. Никакого.

Хотела б тора его кинуть – просто уехала бы. С детьми. И с кого он что требовать станет?

Когда Матвей появился на пороге трактира, в овчинном полушубке, наброшенном поверх рубахи и штанов, Яна только головой покачала:

– Замерзнете.

– В возке?

– Ну... ладно, садитесь.

Возок был хорош! Императора в таком возить – не прогадаешь. Яна уселась напротив, вытащила за длинные лямки из-под сиденья тяжеленный котуль⁴ и подвинула поближе к Матвею. Не рукой, ногой... и даже по этому движению было видно, какой там вес.

– Делим?

⁴ Котомка, кошелка. (Прим. авт.)

Матвей едва воздухом не подавился. Вот такого он точно не ожидал. Может, пачки денег с торского плеча, но не выложенной перед ним добычи. А что здесь вся Янина добыча, он даже не сомневался. Глупых трактирщиков не бывает. Прогорают быстро.

– Тора, вы уезжаете?

– Я уезжаю. Навсегда. Матвей, вы уж позаботьтесь, пожалуйста, о собаках. Они-то не виноваты, что хозяева сволочами оказались.

Жом Матвей подумал, что все торы того... с придурыю. Ну да ладно, с него не убудет.

– Позабочусь.

Пристрелю, ежели что. Или отравлю.

– Вот вам мешок. Подойдет?

Яна протянула мужчине чуть ли не наволочку с подушки. Но жом Матвей не привередничал, особенно когда в нее горстями посыпались монеты. Полновесные, золотые, серебряные...

Сколько уж там получилось?

Много. И ассигнации, и какие-то бумаги, и украшения... вот тут он волевым мужским решением все отдал торе. Пусть ее будет. Он свое еще в доме возьмет... сейчас и пойдет, вот!

Ему уж столько отвалилось, что грех жаловаться. Притом что он палец о палец не ударил, ногу не поднял. А слова... а что – слова? Мало ли кто и что насплетничает?

Наконец раздел имущества был закончен.

– Тора, вам с собой ничего не дать в дорогу?

– Спасибо, жом Матвей. Я уже запаслась. Берегите себя, близких берегите, деньги не показывайте. Продукты прячьте подальше... страшные времена идут.

Жом Матвей в этом и не сомневался.

Распрощались они вполне дружески, Яна его даже в щеку поцеловала, на удачу. И возок уехал, управляемый не слишком умелой рукой. Ну да кони смирные, умные, оно видно. Не вывернут в канаву, вон, идут, как по ниточке. Чуют, что кучер не слишком умелый, но не вольничают, не красуются. Работают.

Жом Матвей, кряхтя, потащил куль в дом. А там и в подвал, в потайную ухоронку. И одеваться принялся уже как следует – пойдет посмотрит, что там в доме у Поганца. Сам пойдет, вот сани возьмет... А еще – оружие. И огнестрел, и нож хороший... это к торе он выскочил как был, а туда – только с оружием. И на санях, обязательно! Все перетащит, что сможет! И еще вернется!

Ежели страшные времена идут, так никакой припас лишним не окажется.

Жом вышел на улицу, осенил себя знамением и быстро пошел в нужном направлении.

И показалось ему, что ли?

Словно женский смех раздался издали. Холодный такой, чистый, звонкий, как ледышки падают с большой высоты... а по шее мороз пробежал.

Жуть – жуткая!

Но не отступать же? И жом Матвей решительно зашагал, куда надобно...

* * *

Яна была счастлива.

Пусть пока еще плохо она управляла экипажем. Пусть по-баивалась, что лошади понесут и вывернут в канаву.

Пусть пока у нее были определенные сложности. Все же вожжи даже держатся определенным образом, управление двумя лошадьми чем-то сродни игре на пианино, и сила пальцев там требуется, и умение, и ловкость, чего у Яны практически не было.

Но когда она подкатила к крыльцу, когда Топыч, Гошка, Мишка и Машка кинулись, пища от восторга, загружаться в возок и потащили заранее собранные вещи, на нее такая волна счастья накатила! Ей-ей, словно в возок розовых пони запрягли и они одновременно нагадили радугой!

Наконец-то они покидают Синедольск!

А что ей придется сложно... ну так и что же? Она уже один раз умерла, потому жалеть себя не стоит.

Где-то недоест, где-то недоспит, но Гошку она больше не подведет.

Яна оглядела детей, которые поудобнее устраивались в возке и собирались досыпать, улыбнулась – и тронулась с ме-

ста.

И кони полетели.

Прочь из города, по тракту, в вихре поземки...

Хорошо, что никто их не видел. Не то почудилось бы...

Да не бывает такого, правда же?! Не бывает!

Чтобы за каретой летели белые призрачные волки, а над ней парила громадная полярная сова? Чушь это! Не бывает такого!

Волки б коней напугали до истерики, а сове тут и подавно делать нечего! Чушь и блажь!

Яна их тоже не видела. Но чудилось ей иногда... нечто белое, потустороннее.

Хелла?

А кто ж еще?

А и ладно! Спасибо тебе, богиня! Ты мне шанс дала, а дальше я и сама постараюсь ушами его не прохлопать!

Спасибо тебе, Хелла...

* * *

Яна пытать и убивать женщину побрезговала. А вот жом Матвей, после того как увидел комнатку в подвале, – нет. В тот же подвал и тело оттащил.

Его Сонюшка тут упокоилась, вот и этой стерве поделом!

Говорят, чтобы человек упокоился с миром, его могилу надо кровью врага полить. Вот... так оно и получится. Ежели

по правде-то делать! По совести!

Покойтесь с миром, бедолажные...

И расспросил, и душу отвел, и...

Лишний раз он убедился, что Яна – тора высокородная! Это ж надо! Тайник в доме – пропустила! В подвале – еще два! И тоже пропустила!

Ну да ладно, он все выгреб в свою пользу. И решил, что коли тора завернет в Синедольск, он ей честь по чести половину отдаст. Ежели не придется потратить...

Коли времена наступают страшные, так и никто не угадает, на что тратить придется.

А ежели не придется им свидеться, так жом Матвей честь по чести сделает. Десятерых сирот вырастит, вот как Всевышний видит! Так и сочтутся... и казалось трактирщику, что тора Яна это бы одобрила. Еще и благословила.

А забегая вперед... так и не пришлось им увидеться. И в Синедольск Яна не возвращалась.

Слово свое трактирщик сдержал и сирот таки вырастил. Пятерых мальчиков и пятерых девочек. Подобрал, к делу пристроил, в люди вывел... жениться так и не женился, бо-былем докуковал, но детей у него было десятеро, внуков штук под пятьдесят, и рыдали о нем, когда срок пришел, вполне искренне. И в молитвах поминали – тоже, и фамилию его носили с гордостью.

Все не зря было.

Не пропали кровавые деньги, удалось Матвею их отмыть.

Он с того особняка за два дня столько вывез... муравьи бы от зависти плакали, когда б могли!

И собак тоже забрал. Так и прижились, и все смутное время двор охраняли и потом еще потомство дали... хорошие кобели. Умные, породистые. За щенками от них в очередь становились.

Единственное, о чем жом Матвей жалел до конца дней своих, – что тору Яну не повидал. Но молился за нее исправно, и коптилочки в храме ставил, и нескольких внучек Янами назвали, а там и правнучек... а что там за тора была?

Откуда взялась?

Кто ж ответит... смутное это было время, страшное, темное. И заначка, вытащенная Матвеем из закромов негодая, помогла и ему прожить, и родным его, и сиротам, и на соседей осталось, помочь по-человечески...

А уж правильно оно, грешно ли...

Нет ответа. Тут судья – память человеческая, а в ней жома Матвея не один десяток человек поминал добрым словом.

Свободные герцогства

На работу как на праздник? Бросьте, такого не бывает!

Бывает. Ида не шла – почти танцевала по улице. Легкая, светлая, даже себе она казалась наполненной каким-то удивительным сиянием. И глаза улыбались, и губы словно ожидали поцелуя... так легко было на душе!

Ах, как легко все в жизни, когда ты молода, красива, когда ты... влюблена?

Да.

В Станислава?

И снова – да, да, ДА!!!

Ида была счастлива настолько, что даже Полкан это понимал. И радовался вместе с хозяйкой, словно щенок. То кувыркался, то прыгал, то просился играть...

И все в Иде соответствовало ее настроению. И светлое платье, и белоснежный плащ, которого никакая грязь не касалась, и капор, отороченный белым мехом, и даже беленькая пушистая муфточка, на которую время от времени покушался Полкан... Казалось, она летит над землей, над грязью, даже не касаясь мостовой подошвами. И она летела...

Вот и больница.

Разве важно, что Стас пока еще не признался ей в любви? Разве важно, что пока они таятся друг от друга? Пока еще не сказано ни единого слова, но как выразительны бывают взгляды! Жесты!

Случайное соприкосновение рук, случайный взгляд – или НЕ случайный?

Ида любила и понимала, что любима. А что пока ничего не сказано – разве это важно? В Герцогства медленными шагами приходила весна, и все в душе девушки откликалось, встречая ее.

Весна!

Любовь!!!

Ладно, пока еще не совсем весна, но считается, что после зимнего солнцеворота как раз на весну и поворачивает. А значит, почти, почти...

Позади остались праздники, которые не получилось как следует отметить. Это у обычных людей в солнцеворот гулянья, веселье, радость и смех. А у врачей?

Дежурства.

Причем каторжные, потому как везут покалеченных, везут много, везут пьяных...

А каково справляться с пьяным бугаем? Ох, тяжело было бы без Полкана... ты ж моя собачья радость! И просто – радость!

Ида улыбалась, входя в дверь отделения. А вот она сейчас потихоньку поговорит со Стасом, она специально пришла чуточку пораньше. Когда его дежурство почти закончилось и скоро ему уходить...

Но пять минут у них, наверное, будет?

Где тут комната для врачей? Ида потихоньку подошла, положила руку на ручку двери, и...

– Что ты нашел в этой соплячке?

– Не отвлекайся, работай...

В комнате был Стас.

Ее Стас.

Он облокотился на стол, и штаны у него были спущены, а перед ним на коленях стояла Леона. И судя по движениям...

Иду замутило. Впрочем, двое прелюбодеев стояли к ней боком, а потому девушку пока и не увидели.

Светловолосая головка ритмично двигалась, Стас запустил пальцы ей в волосы и застонал, а потом дернулся раз, второй...

Гадость!!!

Леона отвалилась от него, словно насосавшаяся пиявка, облизнулась...

– Правда, Стас! Почему ты терпишь эту соплячку? Выгони ее наконец!

– У нее есть деньги.

– И что?

– И мне не приходится выколачивать из начальства каждый медяк. Хотя до тебя ей далеко.

– А ты ее уже...

Ида медленно отступила на шаг.

Потом еще и еще... щеки горели, словно ошпаренные, ноги и руки мигом заледенели, а что в душе творилось... разбегитесь, да и с размаха в помойку. Понравится? Вот и Ида себя так чувствовала. Не просто обманутой, нет. Испачканной намертво. А что тут не понять? Все понятно... и это у них не в первый раз, и кто тут соплячка – тоже ясно, а любовь...

Любовь?!

Да о какой любви тут может идти речь?! Смешно даже... разве что к деньгам... мог оценить. Ида молчала и не хва-

сталась, но Стас видел, что о деньгах она не думает. И верно, то одного в отделении не хватало, то второго, Ида докупала, думала, для больных, а он...

Гнида!!!

Другого слова у девушки не было. Она медленно, контролируя каждый свой шаг, прошла через отделение обратно, толкнула дверь...

Куда теперь?

Экипажа у нее нет. А пешком... сейчас она не дойдет. Не в этом состоянии. Слишком ей сейчас плохо. Слишком больно!

Под руку сунулся холодный мокрый нос. Умный Полкан оценил состояние своей хозяйки и подтолкнул ее. Совсем чуть-чуть...

Ида сделала шаг, второй – и оказалась в кладовке со швабрами и тряпками уборщицы. Что ж, это кстати, здесь все равно никого не будет еще пару часов. И можно...

Ида сунула кулак в рот, чтобы не завывать на всю лечебницу, но сползти на пол и свернуться в компактный комочек просто не успела. Ее подхватили чьи-то сильные руки.

– Простите, тора...

* * *

Жом Ураган в кладовке оказался по самой прозаической причине.

КуриТЬ хотелось...

Смешно? Да вы хоть представляете, как это?! Когда все тело скручивает без табака! До судорог, до недостойной отвратительной истерики, которую совершенно нельзя закатывать, но курить ХОЧЕТСЯ!!!

А вы пробовали курить в палате?

Попробуйте, посмотрим, что вам скажет медперсонал.

Вот побивание рыцаря Освобождения тряпкой как-то... жом Ураган даже слова такого подобрать не мог, но был уверен, что «тряпкой по хारे» – это глубоко неправильно. Жаль, медперсонал в этом убедить не получалось, последняя сестра милосердия (где только оно находится, это милосердие?!) вообще ему клизму пообещала, если в палате хоть запах учует!

И Ураган был уверен – сделает.

А доползти до улицы на сломанной ноге? Да еще в самую ледяную погоду? Чтобы вторая нога прибавилась к первой? Нет, нереально...

Какие еще варианты? Остается только кое-как разведанная кладовка.

Там можно вытащить из кармана жуткой больничной пижамы портсигар (контрабанда), извлечь сигарету (смертный грех!!!) и наконец получить дозу любимого яда (да, ДА, ДА!!!). Не так уж много слабостей было у рыцаря Освобождения, но хороший табак в них входил.

Пусть две-три папиросы в день, не больше, но обязатель-

но! И хорошие! Настоящие! Не эрзац, в котором только резаного лопуха не хватает, а табак из колоний, как и положено, маисовый лист вместо бумаги, даже фильтр есть. Редкость, но Урагану понравилась новинка⁵.

И тут...

Не успел он докурить, как в ЕГО личную кладовку вваливается какая-то девчонка... да Ураган чуть сигарету не проглотил с испуга! Э-э-э... от неожиданности. А так он совершенно не испугался, правда-правда.

– Ой...

Девушка дернулась в руках Урагана и затихла. Только всхлипывала еле слышно.

– Вы кто? – тихо спросил жом.

– Ида... А вы?

– Константин, – признался Ураган. По имени к нему уж сколько лет никто не обращался, все партийная кличка. Но в больницу по кличкам не принимают, разве что ты – пес Полкан.

– Ар-р-р-р-р-р-р...

– Ой, – непроизвольно вырвалось у рыцаря Освобождения. И неудивительно.

Вот теперь настала очередь жома Урагана нервничать.

Поймите правильно, сам по себе он собак не боялся, даже больших. Особенно больших.

⁵ Фильтр для сигарет был изобретен в 1925 году, автор – Б. Айваж. В массовое производство пошел в 1927 году, но в Русине чутьчку пораньше. (Прим. авт.)

Но не в темной кладовке. Не с девушкой. И кто там знает, что замкнет в голове у этой дворняги? Решит, что его хозяйку обижают, и...

Жома потянуло прикрыться. Резко. Лучше чем-нибудь металлическим. Непрокусываемым. Типа пояса верности для мужчин.

– Полкан, лежать. Все хорошо.

Голос девушки намекал на обратное, но Костя решил подождать немного с вопросами. Успеет он еще, разберется. А сейчас важнее успокоить и убедить в своей безобидности. М-да, слышал бы кто про безобидного и доброго Урагана. Жом Пламенный прослезился бы.

– Я могу вам чем-то помочь, тора?

Он наконец вспомнил и имя, и лицо, и голос...

Его личный ангел. Жаль только, что она так редко заходила в палаты. Как объяснила одна из медсестер, Ида – личная операционная медсестра самого доктора Рагальского! Вот лично ЕГО!

Так что облизнись, жом, и свободен! И если будешь распускать руки, тебе сломают вторую ногу.

Ураган не внял бы предупреждению, но нога, зараза, болела вовсе уж невыносимо. Даже сюда доползти и то было немалым подвигом. Вот потом, когда он придет в себя...

Зацепила?

Он даже самому себе боялся в этом признаться. И мысленно пилил себя.

Ну куда ты лезешь, старый козел?! Девочке лет шестнадцать, не больше, ей двадцатилетнего нужно, такого же юного, легкого, счастливого, а не тебя... у вас же разница вдвое... даже доктор – и то лучше, чем ты! Он хотя бы может прожить долго, он мирный человек, а тебя... если чужие не пристрелят, то свои сожрут.

Особых иллюзий Ураган не питал, он нужен, пока идет борьба. Потом...

Потом его жизнь полетит в огонь Освобождения.

Раньше это казалось достойной целью, справедливым разменом, а вот сейчас... сплошные проблемы от этих женщин! Раньше он и не задумывался о таком. А ведь и правда – впереди пустота и огонь. Это было грустно.

И не будет впереди ни теплого света домашнего очага, ни красивой девушки с голубыми глазами, которую так и хочется притянуть к себе, погладить по волосам, защитить от всего мира... да что ж ты за дурак-то?!

Ругательства не помогали. Сломанная нога отрезвляла намного больше.

А вот теперь... грех было бы не сориентироваться, а уж тупостью жом не страдал. Первый он бы не решился сделать шаг, но раз уж так сложились обстоятельства... разве можно упустить случай? Если судьба?

Ида всхлипнула еще раз. И еще...

– Тора, вас кто-то обидел? Давайте я его пристрелю?

Ураган тут же обругал себя за дурацкое предложение, но

очередного всхлипывания не последовало. Вместе него послушался тихий, пока еще прерывистый голос:

– Яна говорила так же.

– Яна?

– Моя сестра. Старшая. – Девушка опять хлюпнула носом. – Я не знаю, где она сейчас...

– Она говорила правильно, – утвердил жом.

– А я...

Всхлипы наконец превратились в рыдание, и жом притянул к себе девушку. А про себя отметил, что обращение «тора» ей более чем привычно.

Тора, не жама.

И как с этим жить дальше?

* * *

Долго Ида себе расклеиваться не позволила. Минут десять – и довольно. Яна вспомнилась, потом еще мать, Аделина Шеллес-Альденская. Она смотрела прищуренными голубыми глазами, вскидывала голову и надменно пожимала плечами.

Кто-то посмел не оценить дарованное ему судьбой счастье? Радуйтесь, дитя мое, что разобрались вовремя, идиоты нам не нужны.

Еще и Полкан сопел рядом. И мужчина, который обнимал Иду... от него пахло почти так же, как от отца. Петер Воро-

нов тоже любил хороший табак, хотя курил редко.

– Тор Константин? – тихо позвала Ида.

– Жом Константин, к вашим услугам.

Ладно. Был он некогда тором. Но ни к чему сейчас вспоминать ту фамилию и ту семью. Только имя и осталось. А человек умер. Он уже другой, совсем другой.

– Жом Константин, я вас знаю?

– Знаете. Я тот счастливец, что сломал ногу.

– Счастливец?

– Иначе я не знал бы вас.

Ида помолчала пару минут. Подумала. Кое-как провела ладонями по мокрым щекам, пригладила волосы, собралась с духом. Скоро надо выходить.

Одно утешение – Ида пошла в мать. Вот Яне плакать было нельзя, у нее мигом нос распухал и глаза становились как у кролика. А Аделина Шеллес-Альденская...

О, слезы тоже были ее действенным оружием. Долго плакать Аделина не могла, но минут десять ее кожа и глаза вполне выдерживали. Глаза не краснели, сопли не текли, кожа не покрывалась некрасивыми пятнами... воплощенное благородное горе. Петер всегда сдавался перед этим зрелищем.

– Жом Константин, я благодарна вам за участие. Надеюсь, этот случай останется между нами?

– Конечно...

И в этот момент чьи-то руки дернули дверцу кладовки.

– Ида?

Стас уже был вполне подтянут, застегнут на все пуговицы и очарователен. И не скажешь, что минут десять назад он и Леона...

Иду опять замутило. Но сейчас она не могла себе позволить никакой слабости. А сил не было... хорошо, что рядом был мужчина, на которого можно было опереться. Ида даже этого не успела, сильная рука подхватила ее под локоть, давая возможность выстоять. Выдержать.

– Ида, вы позволите вас проводить? – Константин с удовольствием дал бы Станиславу в нос. Видно же, из-за него девчонка ревет, вон как напряглась, аж вся каменная стала. Но это еще не уйдет, а сейчас устраивать скандал не лучшая идея, равно как и ругаться, спорить, драться...

Ни к чему. Девочке будет плохо.

Ида коснулась пальчиками его руки.

– Жом, я вам буду очень благодарна.

– А что вы тут делали? – прорезался голос у Станислава.

Куда там!

Когда не знаешь, что делать, старательно соблюдай все правила приличия. И улыбайся, это так бесит твоего врага. Это великая княжна Зинаида хорошо усвоила.

Ида подняла брови:

– Очень смело с вашей стороны предполагать, что это как-то вас касается.

И вышла раньше, чем Стас смог выдавить из ее слов смысловую нагрузку.

В палате Ида помогла Урагану улечься в кровать, расправила одеяло и покачала головой, заметив окурок, который рыцарь Освобождения не успел никуда запихать.

– Давайте сюда, я выброшу.

– Благодарю вас, тора.

– Полагаю, вы меня можете называть просто Ида.

– А полностью?

– Зинаида.

– У вас очень красивое имя, тора Зинаида. Скажите, чем я могу вам помочь в сложившейся ситуации? Я правильно понимаю, вас кто-то обидел?

Не кто-то, а доктор, и понятно чем. Про любвеобильность данной мужской особи знали даже пациенты... скажем так, сестричками милосердия доктор пользовался регулярно. Для здоровья.

А Ида...

Он предложил – или она узнала правду про «любимого»? Впрочем, сейчас это не столь важно. А вот что решит девушка?

Ида задумалась.

А чего она сама хочет? Есть несколько вариантов, и проанализировать стоило все.

С одной стороны... устроить скандал? Тому есть несколь-

ко препятствий. Первое – это вульгарно. Второе – Стас ей ничего не обещал, а что улыбался и выделять стал... ну так что же? Все равно в доходные комнаты к себе он вернулся, у нее не остался, так что это ничего не значит. Третье – ей придется или перейти в другое отделение, или уйти из больницы. Четвертое – она себя на весь свет опозорит, выставив душой...

Были и другие причины, но уже менее веские. А вот эти... это да! Это проблема...

Обойдемся без скандала.

Но и спускать такое никак нельзя! Стас получается или дураком, или сволочью, или просто – мужчиной, который не знает ни о верности, ни о чести. Что ж, такое бывает. Вот, Зиночка Валенская, в честь которой и назвали Зинаиду, польстилась на подлеца, потом все прокляла. И в монастырь уйти собиралась, и руки на себя чуть не наложила от отчаяния, вовремя опамятовалась...

Нет, Стас потерял свой единственный шанс. А как себя с ним вести?

Да как и обычно. Спокойно, чуточку равнодушно, и учиться, учиться, учиться... специалист-то он и правда замечательный! Бывает такое, что мастерство больше человека, но большой беды в этом нет. Тут главное – разделить человека и его талант. Вот второе Стасу дано. А первое...

Ну так что же? Не судьба...

Пока умные рассуждения помогали плохо, но Ида стара-

лась. И не слишком удивилась, когда обнаружила Стаса рядом с собой.

– Ида, я хотел с тобой поговорить.

– Слушаю?

Стас огляделся вокруг, оценил количество желающих погреть уши и понизил голос.

– Не по работе...

– Нам есть что обсуждать не по работе? – вполне натурально удивилась Ида. – Хорошо, я вас слушаю.

– Я могу нанести вам визит, тора? – ощутил ее охлаждение Станислав.

Ида пожала плечами:

– Жом, я не могу разрешать вам или запрещать. Что до меня, я уверена, все общие темы мы можем обсудить и на работе.

– Значит, вот так, тора?

Ида мило улыбалась, вспоминая мать. Только так. Мило – и милостиво.

– Полагаю, вы найдете с кем обсудить более личные вопросы, жом, – и выразительный взгляд в сторону Леоны.

– У меня с ней ничего не было!

Какие интересные «ничего» бывают между людьми? Ида и не знала. Но съязвить ей не позволило хорошее воспитание.

– Жом Станислав, я верю только своим глазам и не слушаю сплетен. Вы позволите? У меня еще есть работа.

Ида ловко вывернулась из руки врача и ушла, оставив Стаса стоять – дурак дураком.

И соображать.

Своим глазам? То есть... видела?! А ведь... могла! Еще как могла видеть... вот он дурак! Расслабиться захотелось?! Кретин!

Недоумок!

И как теперь исправлять ситуацию?

Ох уж эти женщины! Почему они не могут понять самых простых мужских потребностей?!

Борхум

Дмитрий ехал в поезде.

Как ему нравились поезда! С их медлительным ритмом, с горячим чаем, с вагоном-рестораном... за окном мелькают пейзажи, а ты сидишь и смотришь. И получаешь удовольствие.

Хорошо...

По-настоящему хорошо.

Тихо, уютно, спокойно, спешить никуда не надо...

Основное – сделано.

Дмитрий не знал, его ли скромные усилия привели к такому результату или еще что осталось «за кулисами», но... дело-то было сделано!

Борхум выходил из войны!

Кстати – с интересной формулировкой. Дмитрий лично читал в газетах.

«До той поры, пока не установится законная власть в Русине, с коей можно вести переговоры, мы отзываем армию. И будем расценивать любое движение в сторону наших границ как знак агрессии...»

Интересно, правда?

Хотя могли и так сложить два плюс два. Валежный разбил фереев в пух и прах. В Борхуме беспорядки (Митя покосился на себя в оконное стекло, поймал взгляд своего отражения и улыбнулся), а в самой Русине...

Понятно, что Валежный разобьет всех этих освобожденных, такой уж он человек. Но и Митя хотел внести свою лепту в дело победы.

Приезжает Валежный в Звенигород, а там его ждут, чепчики в воздух бросают, «Ура!!!» кричат, а Митя в первых рядах. Неужели для него на родине не найдется работы по специальности?

Валежному он жизнью обязан. А Освобождению?

Да ничем!

Поймите правильно, будь на троне Петер, Митя и седалище бы со стула не поднял, вот уж на редкость неудельный правитель был. Надо бы хуже, да куда уж! Но ради Валежного стоило расстараться.

Так что Митя ехал на родину.

Посмотрим, чем он может быть полезен Антону в Звенигороде.

Ну и...

Вместе с Митей, хотя и по другим дорогам, на родину ехал маленький такой сюрприз для Валежного. Вроде букетика цветов. Вдруг человек да обрадуется? Спасибо скажет...

Митя смотрел в окно поезда и мечтательно улыбался, представляя лицо Валежного, которому вручат несколько скромных броневедомств с пулеметами. Специально заказал. Еще с последнего дела, там у него как раз акции остались, облигации, Митя и продал их. За треть цены, понятно, но хватило и на игрушки, и на оплату их доставки.

Чилиан воюет с Русиной?

Воюет. Но умный человек всегда на том свою выгоду получит. В частности, люди, которые ходят через горы, водят караваны, везут оружие, технику... а из Чилиана до Валежного сейчас добраться проще, чем через другие границы. К кому обращаться, Митя нашел быстро. Так что будут Валежному броневики.

Мобильные, хорошо защищенные, а уж с пулеметом...

Прелесть!

Просто – очарование! Женится б, да не дадут!

Остается переправить их в руки Валежного, но на то есть другие люди. Митя платил, они гнали контрабанду через границу, каждый должен заниматься своим делом. И професси-

ональный диверсант в том числе.

Ах, Звенигород!

Митя любил работать в крупных городах! Это так удобно... в маленьком городе все на виду, не успеешь под кустом устроиться, а тебе уже пять лопухов протягивают и вся округа комментирует. А в большом городе никому до тебя дела нет, там все, как в муравейнике, кишмя кишат. И делать можно, что пожелаешь. А желаний у Мити было много. И все как на подбор...

Взорвать, пристрелить, закопать... надо бы еще пару способов придумать. А то никакого разнообразия.

Ничего, дорога длинная, время еще есть. И аптеки по пути будут...

Звенигород, Русина

– Простите, тор Дрейл?

– Жом Пламенный, я всего лишь доношу до вас волю моей королевы. Лионесс не будет вас поддерживать. Мы можем продать вам оружие, можем поставить, что вы закажете, разумеется, при условии стопроцентной предоплаты, но другой помощи не ждите. Более того, Борхум также не будет воевать с Русиной.

– Но почему?!

– Это воля ее величества.

– Я понимаю, тор. Но почему ее воля именно такова?

Тор Дрейл замялся.

Не знал он. НЕ ЗНАЛ!!!

Тор Вэлрайо ему тоже объяснений не предоставил. И на аналогичный вопрос поднял редкие брови. Мол, вы сомневаетесь в приказе ее величества? Или в ее выдающемся государственном уме?

Она королева, ей виднее!

– Жом, полагаю, это касается лишь ее величества.

Пламенный скрипнул зубами.

Да, раньше было проще. Лионесс поддерживал и деньгами, и советами, и людьми, когда это было надо. И убежище предоставлял...

А теперь что?

Жом аккуратно постарался прояснить этот вопрос и остался весьма недоволен.

Поддержки не будет. Если они чего-то захотят, пусть сначала заплатят.

Убежище? В случае проигрыша?

Также при условии предоплаты.

А больше ни на что не рассчитывайте. Более того, если Борхум больше не будет участвовать в войне, то Валежный...

Пламенному даже поплохело немножко.

Это – не дворцовые шаркуны, это войска, прошедшие бои, походы, спаянные кровью и смертью... это... это же...

Есть ли шансы отбиться? Да, они всегда есть. Но не слишком большие.

Так что...

Мужчины расстались, взаимно недовольные друг другом и обстоятельствами. Но приказ ее величества был недвусмыслен. И обойти его не получилось бы.

А если так...

Стоять, держаться и драться.

Больше Пламенному ничего не оставалось. Пути к отступлению были отрезаны.

Анна, Россия

Звонка Анна не ждала, тем более с незнакомого номера. Но честно ответила:

– Алло?

– Нам надо поговорить!

Ни здрасте, ни представиться... позорище! Голос Анна тоже не узнала. Стыдно сказать, голоса она запоминала плохо, просто отвратительно.

Лица – пожалуйста.

Титулы, звания, родословные тоже неплохо получалось, это не просто важно для светского человека, это архиважно, а вот голоса, тем более по телефону, сливались в два типа. Мужские и женские. Но чьи конкретно?

Из местных она могла бы с уверенностью опознать Киру, Гошку, Бориса Викторовича и своего отца. Все. Высокий и тонкий женский голос в списке не значился.

– Говорите, – разрешила Анна.

– Сегодня в двенадцать жду в «Аквариуме».

– Простите, никак не могу. Я работаю.

– Я знаю. – Голос стал раздраженным. – Но вы там все равно будете, с Киркой, постарайся отослать ее хоть куда, и мы поговорим! Это и в твоих интересах!

Вот теперь Анна узнала говорящую.

Лиза.

И поспешила успокоить девочку. Да, девочку, по сравнению с ней-то...

– Елизавета Игоревна, я рада буду с вами поговорить. Сразу приношу извинения, если придется задержаться.

– Ишь ты, какой цирлих-манирлих!

– Простите?

– Буду ждать.

И гудки в трубке.

Анна только вздохнула. Ладно, надо подобрать одежду так, чтобы не раздражать Лизу. А Кира... Кире она все скажет честно. И даже пригласит ее послушать беседу – через сотовый телефон. Это будет правильно. Девочке жить с Лизой, а Анне...

Сколько ей остается? Меньше года...

Очень тяжело оставлять тех, кого ты полюбила. Прости, Кирюша...

Анна честно старалась не нервировать своим видом невесту Бориса.

Не получилось.

Когда за одним столом оказались две девушки: одна – шикарная и ухоженная блондинка в ярко-розовом со стразами и вторая – самая обычная брюнетка с каштановыми волосами, уложенными в аккуратную прическу, в длинной юбке и простой блузке, с камеей у горла...

Впечатление было такое, словно гувернантка отчитывает балбеску-воспитанницу. Анна и выглядела чуточку старше своего возраста, и держала себя иначе, и разговаривала...

Не столь важно, во что ты одет. Королевой можно быть и в лохмотьях, просто потребуется чуть больше усилий, чтобы это дошло до всех. Анна же и усилий не прикладывала.

Она – великая княжна. Это корона и крест, это право и обязанность. Это осознание себя. И куда тут попыткам Лизы подавить ее роскошью, прической и дорогой одеждой? Даже и смешно как-то...

– Добрый день, Елизавета Игоревна.

– Добрый? Телефон выложи!

Анна послушно выложила трубку на стол. Лиза проверила ее на включенный диктофон и динамик и осталась довольна.

О том, что у Анны может быть еще одна трубка, Лиза да-

же не подумала. А она была, в кармане. Старый такой кирпичик, еще кнопочный, но вполне рабочий. И Кира сейчас слушала весь разговор по нему. Но Лиза успокоилась и перешла в атаку:

– Чего ты добиваешься, дрянь?!

– Простите?

– С тех пор как ты появилась, у нас с Боречкой все идет не так! Я же вижу! Это ты виновата! Ты гадишь! Ты...

– Вы неправы.

– Неправа я?! Ах ты... ладно! – Лиза быстро перешла от злости к практике, продемонстрировав, что она дочь бизнесмена. – Сколько ты хочешь?

– Простите?

– Сколько тебе дать, чтобы ты убралась из города?

Анна качнула головой:

– Нисколько.

– Десять. Тысяч баксов. Ладно, евро...

– Елизавета Игоревна, у меня есть эти деньги.

– Тогда сколько ты хочешь?! Ну?!

Анна посмотрела на красное лицо девушки, отвратительно гармонирующее со светлыми волосами и розовым нарядом, на ее возмущение – и решила попробовать еще раз. Вдруг да дойдет?

– Елизавета Игоревна, меня интересует только Кира Борисовна. Она умная, тонкая и очень ранимая девочка. Я не хочу, чтобы предстоящий брак отца ее травмировал.

– Она-то?! Эта гадючка?! Да по ней школа-интернат плачет!

Анна сощурилась. Вот даже как? Ну погоди...

– Почему вы так считаете? Да, девочка от вас не в восторге, но и вы ничего не сделали, чтобы наладить с ней отношения.

– Я?!

– А кто? Вы старше, вы скоро станете ее мачехой, вам и начинать.

– Да эта мелкая стерва...

– Елизавета Игоревна, прошу вас воздержаться от подобных эпитетов применительно к моей воспитаннице.

– Ишь ты... что ты вообще из себя корчишь?!

– Ничего.

– Как только я выйду замуж за Боречку, ты за ворота полетишь! Вперед своего визга!

– И это не исключено, – кивнула Анна, по своему опыту знавшая, как мужчины дуреют от баб. Казалось бы, совершенно тупых, страшных и стервозных, но ведь случается!

И наоборот... та же Зиночка Валенская, ведь милейшее существо, которое промолчало о ее двойной жизни. Но какой подлец ей достался! Нарочно будешь искать – не найдешь!

– Полетишь! Если б ты сейчас уехала, я бы тебе даже денег дала! А раз не хочешь по-хорошему, я тебя в порошок сотру!

– Стиральный? – невинно уточнила Анна. – Будете кофе

глясе? Здесь его чудесно готовят...

Лиза прошипела что-то непечатное, схватила со стола свой телефон и вылетела за дверь, словно в попу ужаленная. Анна грустно пожала плечами:

– Вот так всегда. Как тяжело бывает найти общий язык с человеком...

И заказала кофе глясе. На себя и на Киру.

* * *

Кира себя ждать не заставила.

– Ань, значит, меня в интернат?!

Анна развела руками. Мол, ты сама слышала.

– С-сука! – от души высказалась Кира. Анна не стала ее одергивать: была полностью солидарна с девушкой. – Убить ее мало!

– Убивать – не надо. – Анна качнула головой. И подумала, что... она может убить.

Просто приказать Лизе умереть, и никто, никогда не поймет, что случилось. Но заслуживает ли этого Лиза? Глупенькая избалованная донельзя девчонка, которой все достается на блюдечке? Разве за это убивают?

– Можно?

– Что? Прости, Кира, я задумалась.

– Ань, если она тебя выгонит, мне с тобой можно?

Анна вздохнула:

– Кира, нам с тобой надо будет проработать все версии. В том числе и эту.

– Но ты же будешь рядом?

– Я надеюсь...

Кира прищурилась, не обращая внимания на кофе, в котором медленно расплывалось подтаявшее мороженое.

– Аня, ты так это сказала...

– Как?

– Словно точно знаешь, что тебя не будет. Вообще не будет.

Умная девочка. Это хорошо, с дурой было бы сложнее.

Анна повертела в руках ложечку.

– Кирюша, у вас есть замечательный фильм. «Три мушкетера». Старый, музыкальный, с песнями...

– Да, я видела. А что?

– Я не касаюсь моральной стороны вопроса. Хотя считаю, что всех мушкетеров за их дела надо было бы казнить.

– Как?

– Помогать королеве скрывать измену мужу при отсутствии законного наследника, – преступление. Сговариваться с подданными иностранного государства тоже непорядочно. А уж мешать осуществлению правосудия и охотиться на полицейских, которые следят за исполнением законов, – и вообще ни в какие ворота. Да и миледи Винтер, если на то пошло, законный агент кардинала Ришелье. И она действовала для блага государства. Но это так, между делом. В фильме есть

сцена, которая мне очень понравилась. Когда д'Артаньян мечется и ужасается чудовищности злодейства, а Атос ему спокойно так говорит: «Д'Артаньян, я допускаю все». Кира, я тоже допускаю все. Даже самое худшее.

– Понятно. Я так о мушкетерах не думала...

– У каждого поступка есть две стороны. Вот, к примеру, у Лизы. Она собирается испортить тебе жизнь, это верно. Но при этом она стремится устроить свою...

– Но не за мой же счет?

– С ее точки зрения, она поступает правильно. И ты должна поступить так же. Если Лиза не думает о тебе, почему ты должна думать о ней? Да, ты не сделала бы ничего плохого – первой. Но можешь адекватно ответить на ее действия. Это правильно.

– Дрянь она! Вот!

Анна не обратила внимания на вспышку гнева. Не до того.

– Так что давай прорабатывать все варианты. В том числе и тот, где я не смогу тебе помочь даже советом.

– Ну давай. А Лизка все равно гадость! Как ты думаешь, если я папсу дам запись прослушать, он ее разгонит?

Анна качнула головой:

– Не поможет.

– Вот и мне так кажется. Паршиво, правда?

– Очень.

Телефонный звонок оторвал Анну от музицирования.

Да, именно так. Они с Кирой и Гошкой в шесть рук пытались сыграть «Соловей мой, соловей»⁶.

Получалось... сложновато. И музыка не так чтобы очень простая, и исполнители не слишком умелые. Сама Анна играла на нескольких музыкальных инструментах, и освоить пианино для нее было несложно. А вот Кира и Гошка испытывали определенные трудности. То ненужная клавиша из-под пальца вывернется, то нужная подвернется.

Кстати, у Киры как раз музыкальный слух был. А вот Гошке медведь оттоптал оба уха, видимо, еще на кордоне. Ну да ничего, пусть учится. Потом аккорды на гитаре подбирать сможет, а для популярности в компаниях это полезно.

– Алло?

– Яночка, здравствуй! Как у тебя дела?

– Здравствуйте!

Анна не поняла, кто это, но собеседница сразу подсказала:

– Яночка, я это, тетя Катя, соседка твоя!

– Как ваше здоровье? Как самочувствие? Как дела?

Рассказ на десять минут обо всем спрошенном Аня вытерпела героически и была за это вознаграждена.

⁶ Композитор А. А. Алябьев, стихи А. А. Дельвига. (Прим. авт.)

– Яночка, тут участковый приходил, расспрашивал.

– Какой участковый?

– Олег Андреевич. Вроде как Жалейкин... или Поливалкин?

– Лейкин?

– Точно!

Анна насторожилась. Если она правильно помнила, Олег Андреевич Лейкин – НЕ участковый. Он оперуполномоченный и капитан полиции. А вот что он делал в их домах?

– А о чем он спрашивал? Теть Кать?

– Так о тебе и спрашивал, Яночка.

– Да?

– Знаешь, я бы подумала, что ты ему понравилась. Так уж он выспрашивал и с кем ты живешь, и водишь ли к себе кого, и где ты работаешь...

Будь у Анны чиста совесть...

Но на ее совести было пять трупов. Пять.

А может и больше стать, чего уж там! В любой момент может. Поэтому она занервничала.

– И что ему сказали? Тетя Катенька?

– А что ему сказать-то можно, Яночка? – рассыпалась смешком соседка. – Чистую правду! Что работаешь от рассвета до заката, что мужиков у тебя отродясь не было...

– Угу...

– Что ты ради сына из шкуры выпрыгнешь... разве что Олька приврала, ну так она без вранья и слова не скажет!

– Активистка наша?

– Она, а то кто ж? Ух, трепло репейное! Трепать ее некому!

– И что она рассказала? – уточнила Анна, ожидая самого худшего.

– Дрянь она, Яночка. Как есть – гадина склизкая!

– А все-таки?

Вот когда Анна пожалела, что в России отменена смертная казнь! Сейчас бы она мерзкой тетке лично приговор подписала, и рука б не дрогнула!

Ольга Петровна оторвалась от души! От всей своей гнусной, подлой, мещанской душонки! Ежели у нее такая вообще есть!

Со слов активистки, по пересказу тети Кати, получалось, что Яна – шлюха и наркоманка. Именно поэтому у нее родился больной ребенок. За наркотой и мужиками она к соседям бегала, однозначно.

Как? Ежели ребенок родился давно, а в этот дом она пару лет как переехала?

Не важно как, важно, что бегала. А еще Янка – хамка, дрянь и хулиганка. В общем, аттестовала, стерва! И ювенальная юстиция по Яне плачет. И ребенка у нее отнять надо! И саму Яну сажать пора! С такой аттестацией ее не в каждую тюрьму возьмут! Побоятся за моральную чистоту ее постояльцев!

Анна скрипнула зубами.

Вот ведь...

– Тетя Катя, спасибо вам огромное.

– Да что ты, Яночка! Тебе спасибо! Вкуснятина такая, век ничего подобного не ела!

Все верно. На Новый год Анна лично отвезла подарки всем соседям, за исключением Ольги Петровны. Той подарок оставили в почтовом ящике. Вроде бы и поздравили, но не лично. Вот старая дрянь и сквиталась. И что за человек такой злобный? Все ей поперек! Все не в радость! А значит, надо и остальным настроение испортить, чтоб, не дай Творец, счастливы не стали!

Тьфу, пакость!

Анна дружески поболтала с соседкой и отключила телефон. Задумалась.

– Ань, что случилось?

Таиться от Киры смысла не было, девочка и так в курсе событий. И ее этот вопрос тоже нервировал.

– И что этому козлу надо?

– Вот это я и хотела бы знать?

– Может, папса попросить? Пусть на него собак спустят?

– Кира?

– Ну, папс позвонит его начальству, и капитану поставят клизму сдохлыми ежиками.

– А почему сдохлыми? – только и смогла сказать Анна.

– Живых – жалко.

Аня качнула головой:

– Не будем мучить... ежиков. Рано или поздно капитан объявится, вот и посмотрим, что ему надо. Тогда и разговаривать будем.

– Как скажешь. Но я бы рекомендовала ежиков.

Анна задумчиво кивнула:

– Может, и придется. Попробуем еще раз – с «Соловьем»?

– А давай попробуем!

Глава 3. Ты не видала? Что-то шептала... руду унимала?

Окрестности Ферейских гор

Антон Андреевич Валежный смотрел на карту Русины. Смотрел туда, где сходились несколько развязок.

Город Сарск.

Что в нем было хорошего? Крупная транспортная развязка, ничуть не уступающая Ирольску. Но, мало того, контролируя Сарск, можно было взять под контроль реку Вольную. Огромную водную артерию, с громадным грузопотоком. Соответственно, отрезать ее освобожденцам.

Если взять Сарск, а потом начать развивать наступление и захватить еще Карев и Царьгород, то потом можно пойти и на Звенигород.

Есть пара проблем.

Первая – ему не раздвоиться. То есть он может брать Сарск, но Ас-Дархан, второй город в низовьях Вольной, должен захватывать кто-то другой.

Вопрос – кто?

Что у него есть из вооруженных сил? Корпус Алексева. Вроде как хороший командир. Но полк все же парадный,

честно скажем. Необстрелянный.

Да и сам Алексеев... плохого про него Валежный ничего не слышал. Но и хорошего – тоже.

Кто остается? Из серьезных сил – Логинов. Валежный от-лично понимал, что ему нужен крупный осязаемый успех на равнине. Сразу и быстро. Тогда...

Кто видел, как осаждаются кристаллики из насыщенного раствора, притягиваясь друг к другу, поймет: вот так хотел сделать и Валежный. Получится ли? Если сейчас они побе-дят, громко и ярко, к ним начнут стягиваться вооруженные силы. Те, кто ненавидит освобожденцев.

Начнут, никуда не денутся. И так, пишем Логинову, согла-суем действия. За Логиновым Ас-Дархан. А Валежный пой-дет на Сарск и либо добьется успеха, либо сложит там свою глупую голову.

Что у него с силами?

Валежный не нуждался в бумагах, чтобы вспомнить коли-чество своих людей. Он смотрел на карту и прикидывал.

В Сарске у освобожденцев хорошая позиция. Окопы, траншеи, редуты – быстро наступать не получится. Артил-лерия. Несколько бронепоездов, по последним донесениям – шесть, но туда и еще парочку могут подогнать. Транспорт-ные развязки у них в руках...

Петер!

Да чтоб тебе еще раз сдохнуть! Надо было тебя свергать еще лет двадцать назад, вот как только на трон сел! Ведь ни-

чего не умеешь, такую страну погубил, слизняк!

Еще не погубил... пока есть Валежный, будет жить и Русина.

Будет!

Чем располагает Антон Андреевич?

Три бронепоезда.

И примерно семью тысячами человек.

Против двадцати – двадцати двух тысяч противника. Молчим про речную флотилию и около сотни орудий. Молчим... потому что в орудиях у них значительный перевес. В Ферейских горах пушками особо не разживешься. Да и не потаскаешь их за собой по горам-то...

Пулеметы, так и тех недостаток...

Как сказал великий полководец, воюют не числом, а умением⁷.

Но войска Валежного, кроме того, потрепаны в Ферях, они прошли далекий путь, они устали, не хватает провизии, фуража, больше всего – боеприпасов!

Валежный напоминал себе портного, который из аршина сукна хочет выкроить мундир на двухметрового гвардейца. Но надо, надо...

– Тор генерал!

В палатку заглянул адъютант. Валежный оторвался от карты, взглянул без улыбки:

– Чего тебе, дружок?

⁷ А. В. Суворов. (Прим. авт.)

– Антон Андреевич, там это...

– Что?

– Вас просят.

– Кто?

– Чилианцы...

* * *

Чего не ожидал Валежный, так уж точно явления чилианцев. На... бронев автомобилях?! Один, два... аж десять штук!

При виде генерала те оживились, зашевелились как-то...

– Валежный-шэн?

Антон Андреевич чуть поклонился, подтверждая, что он.

Да.

– Здравствуйте. С кем имею честь, торы?

Вперед вышел один из чилианцев, одетый чуточку богаче других. Все они были в простой, даже неприметной одежде, но вот у этого в ухе болталась тяжелая золотая серьга. Знак принадлежности к высокородным в Чилиане.

– Наши имена вам ничего не скажут, Валежный-шэн. За нас скажет это письмо.

Валежный пожал плечами, осторожно принял потрепанный конверт, вскрыл его...

И едва не открыл рот на виду у всей армии. Потому как письмо было от Мити. Дмитрия Ромашкина, гада такого!!! И что он пишет?

«Друг мой!

Прошу принять этот маленький презент!

Пока я улаживал наши общие дела в Борхуме, у меня образовался некий избыток доходов, который я решил выгодно вложить. Надеюсь, вы одобрите.

Все оплачено, включая доставку.

Искренне ваши.

Д. Р.».

Валежный с интересом посмотрел на чилианцев:

– И?

– Валежный-шэн, это ваше.

Чилианцы показывали на броневомобили⁸.

– М-мое?

У Валежного даже голос сел.

ЕГО?!

Это – ЕГО?! Он что – спит? Да, наверное, заснул над картой...

Ан нет. Ему вручают десять броневомобилей, объясняют, что в них загружены боеприпасы – сколько поместилось, кланяются... Валежный едва сообразил поклониться в ответ в последнюю минуту. И приказал принести чего получше из трофеев, отдариться. За такое – не жалко.

⁸ Первые броневомобили имели кучу недостатков, но поверьте, это действительно были крепости на колесах, способные сравниться с иными танками тех времен. (Прим. авт.)

Хоть и пишет Дмитрий, что все оплачено, но...

Валежный у себя позволил бы литр крови сцедить за эти автомобили. А тут вот... они взяли и просто приехали. Теперь-то он знает, что делать с Сарском! А если еще Алексеев вовремя подтянется...

Митя, друг!

Спасибо тебе!!!

Русина, в дороге

Настроение у Ильи Алексеева было... сложным.

С одной стороны – на войну!

И не надо больше сидеть в этом клятом Подольске, не надо разговаривать с людьми... война тем и хороша, что врага можно убить! Но!

Анна мертва. Вся его родня мертва.

А Маргоша...

За несколько дней путешествия дама вымотала несчастного командира так, как это всему корпусу на марше не удалось.

Она ныла, жаловалась, требовала, умоляла, даже угрожала выкидышем... так что Илья едва не рывкнул в сердцах, что это, пожалуй, лучший выход.

Вот заниматься ему нечем, только бабские капризы разбирать!

А с Маргошей еще ее мать, и брат, и дед Савва, и все смот-

рят так укоризненно... молчат, но смотрят! Ай, не наплевать ли!

Не наплевать, в том-то и беда. Не так Илью воспитали.

А это что?

Вестовой.

Корпус растянулся в движении на несколько километров. Собственно войско, сопровождение, обоз, артиллерия... поэтому вестовые непрерывно курсировали вдоль полка. Мало ли что...

– Тор полковник, разрешите обратиться!

– Слушаю?

– Тора в красной карете плохо себя чувствует, умоляет вас прийти...

Илья скрипнул зубами.

На марше!

Когда он занят по уши!

Вот ему только и дела есть бегать по бабскому приказу!

– Передай торе, что я поговорю с ней вечером.

И того не стоило бы делать, но...

Ровно через полчаса вестовой примчался обратно.

– Тора плохо себя чувствует, она упала в обморок и...

– Меня это не интересует, – оборвал Илья. – Благодарю за службу, больше на тору внимания не обращайтесь.

– Есть не обращать внимания!

Вестовой умчался, а Илья сосредоточился на своих делах.

Полк на марше – это не просто так, им командовать надо.

Внештатные ситуации здесь на каждом шагу возникают, вроде сломавшейся телеги, увязшей пушки, захромавшей лошади... командир хоть сам этим и не занимается, но кому приглядывать?

То-то и оно...

И тут бабские бредни?!

Да гори оно ясным гаром!

Илья и днем не пошел, и вечером не пошел... Маргошу он соизволил навестить только на следующий день. Подъехал к карете, привязал лошадь и залез внутрь.

Тесно.

Трое человек внутри, дед Савва на облучке.

– Илюша!

Маргарита просияла, повисла у него на шее. Илья волей-неволей обнял женщину.

– Как ты тут, девочка?

– Плохо... ох, плохо, Илюшенька!

– Что не так?

– Тошно мне, дурнотно... ребеночка нашего потерять боюсь!

– Творец милостив, все будет хорошо...

– И ты не приходишь, и страшно мне без тебя...

Мать Маргариты и ее младший брат старательно изображали мебель, отгородившись двумя книжками. Илья оценил и коснулся поцелуем уголка губ Маргоши.

– Все будет хорошо. А пока – прости, детка. У меня слиш-

ком много дел.

– Какой смысл быть командующим, если у тебя нет свободного времени? Доверь что-то подчиненным...

Илья качнул головой:

– Не сейчас, Маргоша. Нет, не сейчас. Поверь, все будет хорошо, но нам надо очень много сделать... надо потерпеть.

– Я потерплю. Только приходи почаще, умоляю...

Воркование, шепотки, ласковые слова...

Но почему Илья, выйдя из кареты, чувствовал себя так, словно по нему борона проехала? Разве не должно общение с любимой доставлять радость?

И почему Маргарита в гневе комкала в кулаках теплую меховую полость, едва не прорывая заячьи шкурки. Негодяй, ах, какой негодяй!

Она!

Для него!!!

А он?!

Просто – негодяй!!!

*Русина, поместье великого
князя Гавриила Воронова*

– Жом Пламенный, доброго вам дня.

– И вам, тор Мишель...

– Жом Мишель, так ведь?

Сын и наследник великого князя мило улыбался челове-

ку, которого еще год назад приказал бы затравить собаками. Но времена меняются. И если ключ от власти надо выловить из нужника – что ж, Мишель не побрезгует испачкать руки.

Потом отмоем.

И руки, и историю.

– Итак, жом Мишель, что случилось?

– Разбирая фамильные бумаги, я наткнулся на нужный нам ритуал.

Раньше Пламенный расхохотался бы в ответ на такие глупости. Но...

Но!

После беседы с тором Дрейлом!

После проклятого колокола и колокольни, которую так и пришлось закрыть...

После всех знамений...

Тут и матерый атеист уверует. Вперед своего визга победит...

– Что за ритуал, тор Мишель? Вы позволите вас так называть?

– Да, конечно. Давайте без церемоний, жом...

– А ваш отец?

– Он пьет, – коротко ответил Мишель.

– Э-э-э-э...

– Давно ли? – правильно понял вопрос мужчина. – Считайте, с того дня, как вы прошлый раз у нас были. Всякий человеческий облик потерял, бормочет, что против богини

идти, что против ветра... плевать. Что все потеряно, что нам надо сдаться, тогда можем уцелеть, а иначе всех снесет...

– Но вы все же решились?

Губы Мишеля невольно шевельнулись в непроизнесенном ругательстве.

Старый дурак!

Но вслух он сказал нечто иное:

– Я предположил, что смена монарха не всегда происходила мирным путем, и оказался прав. Просто такие документы обычно хранились в Звенигороде, но Петер был непростительно беспечен...

Ага. А вам, вора́м, надо было карманы зашивать и руки обрубать.

Но вслух, понятно, жом Пламенный этого не сказал. А кротко поинтересовался сутью ритуала.

– Когда наследником престола недовольны... тут есть два варианта. Мы находим наследницу, она при всех, добровольно отрекается от трона в мою пользу и надевает мне коронационное кольцо на палец.

– Это возможно?

– Вполне. Мы одной крови, так что это будет считаться. Второй вариант – она выходит за меня замуж. Законным правителем будет наш ребенок, а уж кто станет при нем регентом, после смерти его матери, – вопрос другой.

– Я надеюсь, что регенту понадобится умный советник? – намекнул жом Пламенный.

Мишель приосанился.

– Разумеется. Есть и третий вариант, который не предусматривает добровольного согласия.

– Какой же?

– Жертвоприношение. Саму наследницу надо будет убить, во имя Хеллы. После определенного ритуала благословение Богини поменяет хозяина.

– Вот как, – задумался Пламенный.

Что ж.

Ему равно подходили и второй вариант, и третий. Разумеется, Пламенный не стал уточнять, может ли наследница выйти замуж... да хоть бы и за него! А чем он не император? Мозгов-то у него всяко поболее будет, чем у Петера!

Может. Женились ведь императоры раньше на простолюдинках, бывало пару раз...

– Вопрос за малым. Найти наследницу.

Мишель развел руками:

– Жом, тут я полностью полагаюсь на вас.

Пламенный вежливо согласился, побеседовал еще пару часов ни о чем и откланялся.

Что ж.

Ради этого следовало съездить в гости. А еще...

Великий князь запил. А его сынок слишком уж разлетелся. Кажется, в ближайшее время произойдет ужасное несчастье и они умрут...

Вот горе-то!

Вот беда!

И как Русина переживет без великого князя Гаврюши?

Карев, Русина

Сегодня Аким провинился.

Ну... позволил себе с вечера. А с утра коней не обиходил... такого, понятно, Федор Михалыч спустить никак не мог.

Приказал отвесить пару оплеух, да и поставил на ворота. Казалось бы, в чем наказание?

Так зима ж!

И снега много... вот Акимка его и чистил. Заодно ворота открывал-закрывал, ежели кому нужно... и радовался.

Хозяин уж который день был не в настроении, мог и плетей всыпать.

Освобождение?

А... кого освобождали-то? Аким как жил у купца, так и жил, как работал, так и работал, и радовался. Платил Федор Михалыч, не скупясь, правда, работу требовал, но у него и безопасно было. А то ведь времена-то какие...

Господа дерутся, у слуг спины чешутся.

Когда перед воротами заржали кони, Аким даже не дернулся особо. Всякое бывало.

Освобождение там, оледенение, а кушать всяк хочет. И к купцу приезжали, и от него уезжали... хоть и не так часто,

но бывало.

Вот и в ворота затарабанили.

Аким выглянул наружу из калитки:

– Чего надобно?

В ворота стучала молодая женщина. Определить, сколько ей лет, было сложно. Видно, что женщина: грудь не спрячешь, что молодая – щеки и лоб без морщин, а вот все остальное...

Красивая? Нет, не понять, слишком много на ней одежды...

А вот возок хорош. И кони... гладкие, ухоженные, они поводили боками, шумно дышали, но видно – не запалились. Не устали даже. Еще до вечера побегут, не запыхаются.

Хорошие кони. На таких и анператору ездить бы не зазорно.

– Федор Михайлович дома?

Аким насупился:

– А кто его спрашивает? О ком сказать?

Женщина пожала плечами:

– Яна Петровна. Воронова. От Игнатьевых.

– Энто кто ж?

Вроде как имя было знакомое, но что-то у Акима после вчерашнего словно из головы долой...

– Прохор Игнатьев. Марфа Игнатьева. Марфа Федоровна! – рявкнула женщина. – Доложи, пьянь!

Аким даже обиделся.

Ну, выпил. Да и принял-то он всего чуток...

– Ты энто, девка! Не шуми, значитца! Федор Михайлович хучь и дома, но абы кого не примет...

– Абы кого?

Яна окончательно рассвирепела. В другой момент жизни она бы и диалог иначе построила, и поговорила бы лучше... сейчас же – не было сил.

До-ста-ло!!!

Ее достало все!

И экологически чистый транспорт, за которым ухаживать надо больше, чем за собой.

И дорога, которую периодически приходилось откапывать. Потому как экологически чистый транспорт был оснащен копытами, а не гусеницами.

И дети...

Ладно! Дети – меньше всего. Яна понимала, что им тяжело. Но вы сами попробуйте довести троих детей из точки «А» в точку «Б». При условии, что у них практически нет развлечений. А ехать долго.

Ехать медленно...

Даже если ехать на машине, и тогда малышня умудряется ныть, хныкать, жаловаться. А возок едет намного медленнее. Но машину Яна сейчас себе позволить не могла. И бензин не достанешь, и обогрева в местных машинах нет... сломается – замерзнут все. И скорость не слишком высокая, тот же копытный транспорт, может, и чуточку быстрее.

И приходилось терпеть.

Капризы, истерики, слезы, сопли... Машка все-таки опять простыла и теперь шмыгала носом... Яна скрипела зубами и мечтала спихнуть хотя бы двоих паршивцев на руки деду.

Или чтобы путешествие кончилось.

Или чтобы разбойники напали... о банде из монастыря она почти с нежностью вспоминала! Так же как и о Поганце.

Их можно было убить! Хоть душу отвести. А с детьми ты что сделаешь?

Даже шлепать рука не поднималась, хотя Топыч и предлагал пару раз надрать сорванцам уши. Так что нервы у Яны были на пределе. А тут...

Стоит этакое чучело, хамит, еще и перегаром от мужика разит на полдвора... Кто бы удержался на ее месте? Яна и рявкнула в три этажа с чердачком, как на кордоне наострилась.

Вспомнила и матушку конюха, и его батюшку, и родословную проследила с древних времен...

Аким аж заслушался. И не только он один, голос-то Яна не сдерживала. Вот и купец услышал. Окно открыл, да и рявкнул на весь двор, когда Яна замолчала:

– Что тут происходит, так вас и разэтак?!

Яна посмотрела на бородатую персону, которая торчала из форточки да еще начальственно рычала, – и так же на весь двор громко спросила:

– Федор Михайлович, Марфа Федоровна Игнатьева вам

знакома?

Персона побледнела.

– Да...

– Орать будем – или ворота откроете? У меня дети в возке, я их на улице не брошу.

– Акимка! Открой и коней во двор заведи! Ко мне пожалуйте, тора!

Сообразительный. Сразу понял, что Яна не из крестьян.

– А детей?

– На кухню, пусть поедят с дороги!

Форточка захлопнулась. Яна пожала плечами.

На кухню? Оно и неплохо... сначала посмотрим, что тут за купец, потом поговорим за внуков. Дети – это сложно, трудно и каторжно тяжело. Но к Мишке и Машке Яна уже привязалась и ответственность за них чувствовала. Деду она их оставит, только если будет в нем уверена.

А если нет...

Сама справится. Не впервой!

* * *

Федор Михайлович ждал гостью в кабинете. Яна вошла и оценила. Даже присвистнула:

– Богато живете, жом.

А то – нет?

Рассчитано было именно что на купцов. Мебель дорогая,

из темного дерева, но позолоты на ней – хоть ты ножиком счищай. И резьбы много...

Стол громадный, тоже явно дорогой, аж подавляет, стены отделаны кожей с золотым тиснением, все на столе тоже из золота – Яна не сомневалась. А люстра?

Ежели с нее все хрусталины оборвать – аккурат мешок будет. Из-под картошки. Жаль, скушать не получится. Сейчас это важнее.

Купец расплылся в довольной улыбке.

– Не жалуемся, тора. Но раз уж меня вы знаете, как к вам-то обращаться?

– Яна Петровна. Воронова.

В очередной раз Яна задумалась – и как они тут статус определяют? А, не суть. Купца она разглядывала в это время очень внимательно и серьезно.

Сидит перед ней этакий кабан, иначе и не скажешь. Что-то в лице общее есть, наверное, нос, забавно курносый, или само лицо, круглое, или глаза двумя черными точками, внимательные, умные... или борода, которая растет не окладистой мочалкой, а этакой щетиной вокруг лица. Вроде как и есть она, и в то же время короткая, но ухоженная. Только улыбаться не стоит.

Кабан – один из самых умных и самых опасных лесных зверей. Хотя и с домашней свинкой шутить не стоит. Эта скотинка очень опасная и сообразительная, несмотря на все комиксы.

– Даже в нынешние времена – не жалуетесь, жом Меншиков?

– А что времена, тора? Дело наше такое, что б ни случилось, а ты все одно рук не покладай. Тогда и добро прибудет.

Яна медленно кивнула:

– Это вы правильно говорите, жом. Скажите, Марфа Федоровна Игнатьева – ваша дочь?

– Да, тора.

– Незадолго до Солнцеворота я нашла на дороге убитых мужчин...

Яна рассказывала всю историю без особого аффекта. Было – и было. Сплыло – и сплыло.

Федор Михайлович слушал внимательно. Скрипел зубами, когда Яна поведала о смерти дочери, но слушал. И только когда она остановилась на коротком: «Мы с детьми уехали из монастыря», приподнялся на кресле. Тоже, кстати, массивном и золоченом.

– Тора, так те дети...

– Ваши внуки, Федор Михайлович. А вот это – вам.

Перед купцом легло письмо. То самое, с печатью.

И вот тут Яна спалилась по полной программе. Как и Штирлиц в Берлине не смог бы. Даже пройдясь по городу с красным знаменем и заорав в кабинете Бормана: «Гитлер капут!»

Купец посмотрел на печать.

На Яну.

Опять на печать.

И медленно вывалился прямо из кресла к ее ногам.

– Ваше величество!!!

Что могла сказать Яна? Да только одно:

– Жеванные мухоморы!

* * *

Хорошо, в этом мире половину ее матерщины никто не понимал, а то было бы стыдно. Но... Яне и так пришлось несладко. Поди подними такую тушу, когда она у тебя в ногах ползает и руки норовит поцеловать... особенно ту, на которой кольцо. Не откусил бы, в порыве чувств...

Кое-как ей удалось и это.

– Федор Михайлович, сядьте и прочтите письмо дочери. Потом поговорим.

Купец вытер вспотевший лоб и повиновался. Первый шок уже прошел, и сейчас он начинал обдумывать перспективы.

Ее императорское величество.

Судя по возрасту – внешности – имени...

– Вы – великая княжна Анна Петровна Воронова?

Яна пожала плечами:

– Меня можно назвать и так. Но эту историю я расскажу потом. Может быть.

Намек купец понял. И, почтительно поклонившись, вернулся в кресло. Ежели разрешают... Распечатал письмо, про-

чел... много Марфуша ему не написала. Да много и не надо было, но ее рассказ полностью совпадал со словами Яны.

– Ваше импе...

– Тора Яна, – наредила голосом девушка. Еще не хватало, чтобы сплетни пошли. И так-то лишнего человек узнал, ее бы воля – и того б не было!

– Как же, – растерялся купец. – Это ж...

Или сделал вид, что растерялся. Но Яна не стала уточнять.

– Моего отца убили. Мать, сестер... я уцелела чудом. Вы уверены, что сможете отбиться от освобожденцев, если они придут за мной?

Об этом купец тоже подумал.

– Не смогу. Тора Яна...

– Вот, так-то лучше.

– Тора Яна, вы позволите одну проверочку?

Яна только плечами пожала. Но камень кольца послушно к расплавленному воску приложила. Печать получилась один в один с первой. Купец помрачнел.

– Тора Яна, вы... а что вы делать-то будете?

– Я над этим размышляю, – честно ответила Яна. – Наверное, надо уезжать из Русины. Вы ведь это собирались сделать? Марфа сказала...

Купец медленно кивнул:

– Да...

Купцы – они вперед прочих чувствуют. Крестьянину – тому все равно, кто у власти, был бы огород. Военному что генерал скажет, то он и сделает, привыкли они повиноваться.

Городским... тут кому как. Но купцы обязаны нос держать по ветру. Яна обладала определенным послезнанием.

Федор Михайлович просто нутром чуял, что ничего хорошего никакого освобождение не принесет. И вообще, чем громче лозунг, тем дальше надо драпать. Вот и собирался.

Дочку хотел увезти, сын-то был рядом с ним, а зять вот затягивал с отъездом, сделка у него выгодная складывалась, там не сто частей прибыли, все триста можно было взять.

Эх, Прошка, дурак молодой, соблазнился возможностью половить рыбку в мутной воде, нажился, порадовался... сгодились тем грабителям твои деньги! Поехал бы раньше, и давно б уже в Ламермуре были, а то и в Герцогствах. Дело-то житейское...

Денег было б меньше, но кто их мог в Русине считать, тот и в другой стране не пропадет. Конечно, с чистого листа начинать бы пришлось, ну да знакомые есть, нашлась бы и подмога. А он вот...

Тянул и тянул, дурак! И дочь с ним оставалась... как же! Любовь!

И сама погибла, и детей чуть за собой не утянула. Это еще

хорошо, что так получилось... больно было, но не смертельно. Федор Михайлович привык не показывать своих чувств, привык терпеть, привык ждать... выждать лучшее время для прыжка.

Здесь и сейчас ему очень хотелось уехать из Русины. И уехал бы. Но...

– Вы ведь, тора Яна, не просто так этот разговор затеяли?

– Нет, не просто.

– Я могу быть вам чем-то полезен?

– Равно как и я могу быть полезна вам, – пожала плечами Яна. – У меня есть деньги, у вас есть связи. Я хочу уехать из страны с сыном.

– Куда, тора?

– В Герцогства.

– Это идея хорошая. А есть ли на что?

– Есть. Бедствовать не буду. И себя прокормлю, и детей.

– Детей... что вы, тора Яна, хотите за спасение моих внуков?

Умный человек. Сообразил.

– Вы собираетесь уезжать?

– Да.

– Возьмите меня с собой. Нас.

– Вы и...

– Мой сын и мой... пусть будет воспитанник. Георгий и Потап.

– Тора Яна, это я завсегда. Но... есть одна проблема.

– Какая?

– Из-за Прохора, не тем будь помянут, идиот, мы сейчас уехать не сможем.

– Разъясните, – попросила Яна.

Купец послушно расстелил на столе карту Русины. Девушка внимательно смотрела и слушала.

Да, уехать из Русины можно. В Герцогства, в Борхум, в Ламермур. Для начала и он сойдет, потом уж можно из него куда попримичнее перебраться. Но...

Уехать можно из нескольких городов. Из Звенигорода – там крупная транспортная развязка, все же столица. По некоторым причинам это не вариант.

Из Ирольска. До которого сейчас не доберешься.

Третий вариант – Сарск. Не так далеко от Карева, кстати говоря. Удобно добраться, удобно уехать... минус только один. Туда сейчас не попасть.

Освобожденцы сейчас там устраивают такое...

– Такое – что?

– Защищаться они готовятся, тора. Есть такой Валежный...

– Антон Андреевич, слышала.

От жома Тигра, не тем будь помянут... простите, припомнен, он же еще не померши!

– Вот. Он сейчас разбил фереев и идет на Сарск. И говорят, на Ас-Дархан тоже будет наступление.

– Так...

Этот вариант Яну не порадовал. Оказаться в разгар боевых действий в осажденном городе? Развлекайтесь сами, она – пас!

– Вот и приходится ждать. Или весны, чтобы до Ирольска добраться... даже ближе к лету, чтобы дороги подсохли, или когда ситуация в Сарске решится в ту или иную сторону.

– Как бы она ни разрешилась, все равно поезда ходить будут.

– А то и корабли. Сейчас-то нет, сейчас Вольную льдом сковало, да и море плохое, а вот по весне...

Яна улыбнулась.

– Получается, что мне придется либо снять дом поблизости, либо воспользоваться вашим гостеприимством, жом Меншиков.

Ответная улыбка купца была достаточно тонкой.

– Что вы, тора Яна, разве я могу отпустить... то есть допустить, чтобы вы скитались по чужим домам?

– Можете. Но меня этот вариант тоже не слишком устраивает, поэтому предлагаю заключить определенное соглашение.

Это уже было поле купца. Федор прищурился.

– Слушаю вас, тора?

Яна пожала плечами и бросила на стол еще одну карту.

– Дело в том, жом, что я серьезно больна. Смертельно.

Она даже не солгала. Жизнь – это смертельная болезнь с летальным исходом. И половым путем передается. Вот кто

это сказал, Яна в упор не помнила, но идея верная. И в ее случае – особенно⁹.

– О как...

– Примерно так, жом. Я смертельно больна, и осталось мне не так долго.

Купец искренне огорчился. Видимо, уже губы раскатал... щ-щас! Размечтался!

– А чем же вы так, тора?

Яна нехорошо улыбнулась.

– Когда нас убивали, всю нашу семью, меня ранили. В ра- не остался осколок, он движется к сердцу, медленно, но верно. Дойдет – помру.

Федор Михайлович кивнул. Бывали такие случаи, чего уж там! Сам видел, как человек с осколком в голове сорок лет прожил... но то голова, она – кость. А сердце?

Эх, лекаря б хорошего, да поди найди такого...

– Вы уверены, тора?

– Будет чудом, если я увижу следующую зиму.

И столько уверенности было в словах Яны, что купец поверил. Осознал. И задумался.

– Так какое соглашение вы хотите заключить?

– Вы, Федор Михайлович, доставите мою семью в Герцогства. Вы там будете жить, они будут жить... а когда люди ря-

⁹ «Жизнь, как смертельная болезнь, передающаяся половым путем» – польско-французский фильм, режиссер Кшиштоф Занусси. Автор его не смотрела, так что сказать о качестве не может ничего. А вообще подобным образом высказывались еще с 1656 года, а то и раньше (Эйбрахам Каули). (Прим. авт.)

дом живут, то и помогать друг другу могут. Присмотрите за моими детьми.

– Детьми? Ах, да...

– Воспитанники и внебрачные сыновья не наследуют трон.

– В наше-то время?

– Это закон, – отмахнулась Яна. – Я готова вам заплатить, чтобы вы приглядели за мальчишками и научили их своему ремеслу. Понимаете? С малолетства. Чтобы помогли в лавках, чтобы видели, как, что и откуда...

– Тора, да это ж...

– Невозможно? Почему?

– Они ж... вы из них купцов вырастить хотите?

Яна поняла смысл возражения. И вздохнула.

– Что всегда остается с человеком, Федор Михайлович? Семья может погибнуть, деньги – пыль, а что творится в нашей стране, вы сами видите. Если из мальчишек не выйдет купцов, найдите им дело по душе, я плачу именно за это. За образование, которое они получают, за присмотр, который будет иной раз и в подзатыльниках выражаться – что поделать? Надо...

– Тора, так никогда не делалось.

– Почему? Никогда не бывало, что кто-то просил бастарда пристроить?

Неприятное слово резало язык. Но... иначе купец не поймет. А закладывать ему Нини?

Нет, не вариант. В Герцогствах Яна сама что-нибудь придумает, свяжется с сестрой... будет видно! А здесь и сейчас ни к чему давать людям в руки такой козырь.

– Бывало, да...

– И?

– Не императорского ведь!!!

Яна пожала плечами:

– Все когда-то бывает в первый раз, Федор Михайлович.

Вы согласны?

– Да.

– Тогда... поговорим про оплату.

Купец только рукой махнул:

– Вы моего зятя похоронили, как смогли, дочери помогли, внуков привезли... я видел, что детей четверо. Я вам и так по гроб жизни должен, ваше величество.

– Вы опять?! – зашипела Яна.

Мужчина развел руками. Мол, есть вещи, которые иначе и не скажешь. Ладно же...

– Тогда поговорим не об оплате. А об инвестициях в ваше дело, которые наверняка пригодятся.

С инвестициями вышло получше. Всю свою долю добычи, полученную от бандитов, Яна с громадным удовольствием спихнула купцу. Вышло там очень нескромно. Себе она оставила деньги на расходы, несколько побрякушек – так, на всякий случай, – а остальное они договорились вывезти в Герцогства, конвертировать в золото и вложить в дело. Там

каждая монетка понадобится, еще и не хватить может. Конечно, Яна рисковала, но... такое уж купеческое сословие.

Деньги и еще раз деньги.

Ничем иным уважение купца не заслужишь, только капиталами и их правильным применением. Вот и пусть работают.

А Гошка пусть учится. Захочет он стать военным – купит себе офицерский чин, в Лионессе это практикуется, к примеру. Гадкая страна, торговать военными чинами... Считай, смертников плодить в случае войны, нигде ж не сказано, что эти люди смогут грамотно командовать.

А захочет – станет моряком, станет купцом... деньги дают свободу, это Яна хорошо понимала. Свободу выбора пути. И пусть торговать поучится, да. Вместе с Потапом. Чтобы мальчишек никто обмануть не мог, где еще, если не в торговле? Там-то священный принцип: не обманешь – не продашь. Вот, пусть учатся.

А в целом все сложилось неплохо.

Надоевших хуже горькой редьки лошадей пристроили, ухаживать за ними больше не надо. Жить они будут у купца. Яну официально представили всем домашним как гувернантку для детей. Всех сразу.

А что?

Так проблем точно не будет. Что девушка делает в доме? Работает. А дальше – в меру испорченности человеческой, каждый же по себе меряет. Кто-то подумает – гостья, кто-то

– гувернантка, кто-то и про купца нехорошее подумает, все ж он мужчина...

Яну это не волновало. Репутация? Хелле рассказать, она долго смеяться будет...

А возиться с детьми ей было только в радость. Сколько бы времени ей ни осталось, она его проведет с сыном. Гошка, радость моя родная...

* * *

Новую жиличку домочадцы купца приняли радушно, как-никак детей привезла. Внуков Федора Михайловича. С собой рисковала, а их тащила через охваченную войной страну. Заслуживает уважения.

И только вечером, в конюшне, Аким рассказывал друзьям:

– Я, значитца, ворота ей открыл, она Федора Михайлыча просит... Я так и так, мол, почиваеть он... А она меня как обложила! Сразу видать – человек ученый! Не репка с грядки! Я и слов-то таких половины не знаю...

– Каких слов-то?

– Либераст недодавленный, демократ ушастый, чебурашка рогатая...

– Да... сразу видно ученого человека.

Глава 4. Или сердце свое горячее? Или в землю стучалась дремучую?

Валежный, Сарск

Рисковать и брать Сарск с налета?

Валежный не готов был так поступить. В его армии каждый человек ценнее золота. Обстрелянный, обученный, спянный с остальными... положит сейчас людей – где других брать?

Новобранцы? Добровольцы?

Глупо. Пусть освобожденцы стоняют к себе в армию всякий сброд, Валежный так не поступит. Пусть будет меньше, но лучше.

А потому...

Наступать он собирался с южного направления. Просто у него есть три бронепоезда, чтобы поддержать пехоту огнем, вот и...

А Сарск защитили хорошо, пренебрегать нельзя ничем.

Если бы хоть флот был... но мимо Ас-Дархана не пройдешь, а там тоже освобожденцы. Удастся ли Логинову взять этот город?

Алексееву Валежный приказал идти на соединение с Ло-

гиновым, себя-то он знал, а вот там... там ни один человек лишним не окажется.

В ночь на двадцатое февраля Валежный приказал начинать наступление.

* * *

В старом храме молился священник.

Храме?

Да, раньше тут был храм. Правда, не Творца, а Хеллы, но какое это имеет значение? Церковь не уничтожала старые капища. Она их прятала, использовала в своих целях, вот и здесь – капище Хеллы, одно из старых, подземное еще...

Когда культ Хеллы начали потихоньку запрещать и давить, ее приверженцы не стали воевать. Они просеялись сквозь пальцы, словно песок, – и ушли. Говорили, что они есть везде, что даже императорская семья... старик в это не верил.

Творец над всем, это ясно. А Хелла...

Древнее заблуждение.

Но сейчас неожиданно пригодившееся.

Когда в Сарск пришли освобожденцы, первое, что они сделали, – закрыли храмы. Второе – принялись арестовывать священников.

Третье...

Творец, прими их души, они мучениками за веру пошли

к престолу твоему.

Старый епископ уцелел чудом. Казалось бы, ничего особенного, но... у него была забавная привычка. Иногда – может, раз в год, может, два раза – ходить на лыжах. Что, раз епископ, то уже и не человек? Так-то времени не было, и возраст, и болезни, и обязанности – да мало ли причин? Но пару раз в год... хотя бы один раз, это обязательно. Надеть простую куртку и штаны, встать на лыжи, оттолкнуться палками – и по полям. И смотреть, как искрится в лучах рассвета снег. Сначала сизый, а потом пронзительно-белый, хрустальный, алмазный, пронизанный солнцем...

Смотреть на заснеженные деревья, снять губами иней с хрупкой березовой веточки, посидеть на поваленном дереве, сделать пару глотков вина из фляжки, не ради опьянения, скорее как дополнение к этому дню. И закусить самым простецким бутербродом. Горбушка хлеба, ломтик сала, лепесток лука.

Пусть не подобает.

Но если даже раз в год не отпускать себя на свободу? Как жить-то? Это ведь не грех, просто непривычно. И слишком интимно, чтобы звать кого-то с собой.

Конечно, он никого из братии с собой не брал и не звал. Это было только для одного. Только его день, день между ним и Творцом, и не стоит вмешивать в эти отношения кого-то еще.

В этот раз его нашли.

Послушник, Антошка.

– Владыка!!!

Мальчишка бежал без всяких лыж, высоко вздымая облака снега. Растрепанный, без шапки, раскрасневшийся от бега.

– С ума сошел?! – по-отечески поинтересовался епископ, снимая теплый шарф и укутывая глупого мальчишку. Простынет ведь...

Но кровь похолодела в жилах у епископа.

Творец берег его.

И увел из монастыря в тот день, когда пришли ОНИ. Чудовища, иначе и не скажешь. В детстве епископу, тогда еще просто Даньке, рассказывали страшную сказку, мол, и так бывает. Вроде как обычный человек, и выглядит как человек, и ходит, разговаривает, а внутри у него сидит чудовище. И кровь человеческую пьет...

В тот день страшные сказки оказались правдой.

Когда они добрались до монастыря, все было кончено. Уже не было освобожденцев, остались только черные тела на белом снегу и алая кровь. Их просто расстреляли.

Всех.

Вывели и дали залп из ружей. Не слушали, не разговаривали – о чем? Просто убивали. Монахов, послушников, трудников...

За что?

Творец до сих пор не дал ответа.

Епископ помнил, как копал яму, как стаскивал в нее каменно тяжелые тела... на это потребовалось бы несколько недель старику да мальчишке, но монастырь стоял рядом с селом. Миряне пришли на помощь, а Даниил больше не возвращался в монастырь. Нашел себе прибежище в старом капище.

Он пошел бы в Сарск, умолял, увещевал, был бы убит, но стеной встал Антошка, стеной встали другие крестьяне... ругались, просили...

Даниил сдался.

Он жил и ждал... чего?

Он не знал.

Но молился что было сил.

За тех, кого Творец лишил разума. За тех, кому не повезло оказаться в адском котле.

За тех, кто придет...

Должен ведь кто-то прийти? Должно это безумие прекратиться? Правда?

Доходили новости – страшные, жуткие. Что казнена императорская семья, что люди воюют между собой, что...

Даниил даже верить такому не мог.

Вот когда она сбылась – детская сказочка, вот как отозвалась.

Жутко...

А с утра загремели выстрелы, и Даниил понял, что произошло... нечто.

Валежный. Антон Андреевич.

Это имя повторяли многие, знали, что он идет на Сарск. И если Творец будет милостив... Даниил молился за человека, который сможет прекратить это безумие... молился, пока по стенам не пополз иней.

Иней? Откуда?!

Треснула, рассыпаясь в щепки, икона.

– Это уже наглость – звать другого бога в моем храме.

Голос ледяной, звонкий, словно сосульки с крыши падают. И лицо... чудовищное совершенство? Или совершенное чудовище?

– Сгинь, рассыпья! Да расточатся враги его!!!

Хелла, а это была именно она, рассмеялась еще раз, и старый священник едва не обмочился. От ужаса. Страх даже не смерти, нет. Этот смех обещал нечто худшее...

– Слуга, ты звал, и тебя слышали. Скажи тем, кто придет, что императорская кровь жива. И скоро она будет в Сарске.

И – тишина.

Даниил смотрел широко раскрытыми глазами – и не мог поверить.

Было?

Не было?

Было... иначе откуда сломанная, словно бы расколотая, икона, откуда иней, кружевной занавесью закрывший все стены. Он медленно таял, но память о словах чудовища не исчезала.

Императорская кровь – жива?!

Творец, благодарю тебя!!!

Есть шанс!!!

Есть шанс прекратить это безумие!!!

Если бы иней не растаял сам, то жар молитвы его точно растопил бы. Впервые за эти чудовищные дни старик получил надежду.

А что от Хеллы...

Он бы и на гадюку сейчас согласился, не то что на богиню. А орудия все гремели и гремели. Бой приближался.

* * *

Корпус Улаева, приданные ему бронепоезда и броневые автомобили получили приказ атаковать Сарск с юга. Вдоль железной дороги.

Вторая часть войск должна была отрезать освободенцам дорогу на север. Чтобы не сбежали... вдоль Вольной.

Когда рассвело, Салам Амирович Улаев бросил людей в атаку.

Это было жуткое зрелище. Первыми пошли броневые автомобили. Они переваливались через наспех выстроенные заграждения, ломали доски, словно спички, рвали колючую проволоку, а уж следом за ними шла пехота.

Шла, стреляя во все, что движется.

Они не надеялись уцелеть, они шли умирать.

Сам Улаев возглавлял наступление. Ему говорили, его пытались остановить... бесполезно. Семья генерала была в Звенигороде. Что с ними?

Неизвестно...

Душа мужчины просила крови. И освобожденцы щедро заливали ею траншеи.

Падали под огнем из броневедомостей... да, у них на позициях были и пулеметы, и ружья, но...

Броня была непробиваема. А что ты сделаешь с этим чудовищем, которое едет прямо на тебя... вот именно на тебя, и сейчас раздавит... и пули свистят у виска, и черные флаги, черные мундиры надвигаются неудержимой волной...

Не прошло и часа, как первая линия обороны дрогнула. И устремилась к Сарску, повергая в панику своих товарищей по второй линии обороны. Солдаты Улаева зачистили окопы от последних героев и чуточку перевели дух.

Ненадолго.

Следовало идти дальше.

Бронепоезда пока не могли поддержать огнем свои позиции. У освобожденных были проблемы.

Три поезда – это немного. Но если люди, которые в них находятся, не думают о своей жизни...

Они не думали. Они хотели забрать с собой врага.

Пока еще они вплотную не сходились в бою, для поездов это достаточно сложный процесс. Но Валежный и не хотел устраивать поединки.

Нельзя.

Его бронепоезда должны были показаться, отвлечь врага, а основным оружием стали те же бронеавтомобили.

Пока освобожденцы отвлеклись на приближающиеся поезда, бронеавтомобили попытались подобраться вплотную – и это им удалось! Почти всем, один автомобиль все же подбили, и коробка грустно догорала на поле боя. А вот остальные...

Бронепоезд и бронеавтомобиль? Несравнимо?

Это верно. Но в том-то и дело, что вблизи, когда бронеавтомобиль под боком, орудия бронепоезда ему уже не страшны. Они просто не приспособлены обстреливать нечто, находящееся рядом. А пулеметы... на то и броня. Да и ответить есть чем.

А еще...

Бронеавтомобили движутся – везде. Бронепоезда только по рельсам. И если эти рельсы расстрелять, то поезд никуда не денется. Что и требовалось.

Два бронепоезда верно оценили ситуацию – и предпочли удрать. Еще два остались – на свою голову. Из бронеавтомобилей попросту расстреляли паровозы. А потом, когда поезд остался без машиниста, потерял подвижность и не смог сдвинуться с места, на приступ, опять же, под прикрытием автомобилей, пошла пехота. Не прошло и двух часов, как бронепоезда были зачищены от освобожденцев. Попавших в плен не было.

Раненых не было.

Улаев лично распорядился не брать живым никого. Пусть хоть что кричат... собаке – собачья смерть. И солдаты не стали спорить с генералом. Так проще...

* * *

Полдень.

Валежный ждал новостей.

Сражаться тяжело?

А отправлять других на смерть и ждать? Ждать часами, ждать, пока другие складывают головы, – это легко?

Ждать вестей... хороших? Плохих? Считать людские жизни, как костяшки на счетах... но в очередной раз Улаев не подвел.

Два бронепоезда захвачены, освобожденцы бегут... что ж! Покровскому – наступать вдоль Вольной.

А Валежному – ждать. Снова и снова...

* * *

Два часа дня.

Покровский никак не может прорвать оборону. Идет артподготовка, позиции освобожденцев щедро поливаются свинцом, но пока еще защитники Сарска держатся.

Пока...

Три часа дня.

Покровский отброшен. Ненадолго.

Не такой человек Константин, чтобы остановиться после первой же неудачи. И снова – вперед!

Ломится, словно кабан сквозь камыши, не щадя ни себя, ни врага.

Три часа.

Линия обороны прорвана, Покровский взял восемь орудий, пять тысяч пленных...

Четыре часа.

Улаев опять пошел в наступление.

Наплевал на все, на усталость людей, на нехватку боеприпасов...

Экипажи броневедомостей изнемогают, но держатся. Из последних сил...

В железном чреве бронированного монстра адская температура, больше сорока градусов жары, от стрельбы корпуса накалились так, что под ними плавится снег. А ведь экипаж должен быть одет в кожаные куртки – мало ли, вдруг автомобиль загорится. Так есть шанс выскочить... более-менее целым.

Мало того, внутрь автомобиля идет бензиновая вонь, углекислый газ, дышать просто невозможно, но и не откроешь дверь, не выглянешь...

Два-три часа в таких условиях, и экипаж надо менять. А

не на кого.

И на этих-то не рассчитывали, собирали с бору по сосенке, кого найдут! Чтобы не угробили технику в первом же бою.

Пока получалось, но какой адской ценой!

Шесть часов вечера.

Люди утомлены и буквально падают на месте. Но освобожденцы отброшены со всех позиций. Сейчас они держатся только за Звенигород. Кажется, надавить еще чуть-чуть – и все получится.

Получится ли?

Покровский решил оставить это на усмотрение командира, а пока встать на отдых. Пусть люди хоть чуточку передохнут...

* * *

Они падали.

Прямо в горячий снег...

Да, бывает и такой. Когда он просто не успевает таять... спустя пару секунд это будет просто жидкая грязь, но пока...

Люди опускались, где стояли.

Хотя бы пара минут передышки. Пара минут...

Потом они встанут, потом они позаботятся о раненых, о себе, потом будут искать врачей, потом...

Все потом.

Минута – вдохнуть воздух, сгрести ладонью грязный снег, поднести к губам, жадно сглотнуть и понять.

Живы.

Они еще живы...

* * *

– Молодец, какой же молодец! Но надо развивать успех!

Валежный понимал это. А еще...

Смогут ли люди? Они ведь не железные... Это не техника, да и той отдых нужен. Поэтому генерал махнул рукой и отправился сам осматривать позиции.

Улаев встретил его на подъезде:

– Тор Валежный...

– Не тянись, Салам Амирович! Ни к чему... спасибо тебе, брат! Спасибо...

На глазах у всех Валежный крепко обнял... соратника?

Нет, уже друга. Который и позиции взял, и людей сохранить постарался. Своих.

Пленных же? В расход. Валежный не собирался жалеть освобожденных, Улаев тем более.

– Такие вот дела...

– Еще один приступ люди выдержат?

– Не знаю.

– Надо выдержать...

Валежный понимал, что это бесчеловечно. Что он просто

загоняет солдат. Но...

Если дать сейчас освобожденцам закрепиться, отдышаться... потом будет хуже. Сложнее. Сейчас и они на пределе, но и освобожденцам... словно врач – пациента, Валежный чувствовал фронт. Понимал, что один хороший удар – и враги дрогнут. Побегут...

Но выдержат ли солдаты?

Выбора не было.

Валежный посмотрел на Улаева:

– Приказываю. Сделать еще одно усилие и прорвать фронт.

– У нас броневики не на ходу, – сделал попытку отвертеться Улаев.

Куда там!

Валежный лично отправился в лазарет, в котором и отлеживались солдаты. Раненых среди них не было, но с того не сильно легче. Тут и тошнота, и головокружение... и вообще, толку с водителя, который сам-то ровно встать не может! Куда ему броневик вести?

С трудом набрали один экипаж.

Шесть вечера.

Войска Улаева отправились на штурм Сарска.

Медленно пошли вперед три бронепоезда Валежного, медленно потому, что перед ними проверяли дорогу, опасаясь мины...

А вот стреляли они метко.

Пополз вперед единственный броневомобиль.

Поднялась в атаку пехота.

И освобожденцы дрогнули.

Никакие лозунги не заменят выучки. Да и умирать им не хотелось, и усталость была сильная, и... если Валежный позаботился о тылах, о горячей пище, которой обеспечили уставших людей, то в Сарске ничего этого не было.

Там было плохо с продуктами. Для Комитета – конечно, дело другое. А для простых солдат чего тратиться? И так сойдет...

Сработал и второй фактор.

Видя, как надвигаются бронепоезда, Комитет Освобождения разумно решил, что надо бы... съездить на прогулку.

Совершить тактическое отступление.

Не рисковать жизнями без надобности.

И вся верхушка эвакуировалась. А солдата не уговоришь умирать, когда генерал убегает так, что подошвы у сапог отлетают. Нет, не уговоришь...

* * *

– Васька, смотри!

– Чаво?

– Таво...

Петруха показывал другу на позиции врага. Ух, контра недобитая! Давили мы вас, давили, а все не впрок. Все одно

явились, сволочи...

Так вот оно было, вечер глава Комитета проехал по позициям, а солдатам потом обращение зачитали. Петруха запомнил плохо, но понял все.

А чего ж тут непонятного?

Только анператора с его мироедами скинули, как их взад возвратить хотят! Ничего! Их, поди-ка, втрое меньше, и обнаружены они хуже... надо просто первый натиск выдержать. А там уж контры сами побегут.

Гладко было в воззвании.

А вот когда броневтомобиль едет прямо на тебя...

И когда стреляют из пулемета, поливая траншею ливнем свинца, когда рядом с тобой падает товарищ Фролка... из одной деревни были...

Петруха испугался.

А кто бы на его месте – не?! Чай, глава Комитета с ним тут не стоит! У себя сидит, какаву кушает! В чистеньком кабинетике. А не тут, по колено в грязи, в крови...

Так что Петруха побежал.

А чего? Все побежали, и он побежал... но тут-то они хорошо стоят?

Отсюда их не выбьют?

А поезда шли вперед. И постепенно, наращивая мощь, загремели страшные пушки...

Петруха даже и не понял, когда он умер. Просто споткнулся – и все потемнело. Еще одна жертва бессмысленной бра-

тоубийственной войны.

* * *

Около полуночи армия Валежного вошла в город.

Добыча оказалась богатой.

Валежному достались два бронепоезда, помимо уже захваченных. Семьдесят пушек, несколько сотен пулеметов, больше сотни паровозов, а вагонов...

Навскидку их было больше десяти тысяч.

И – нет, не только пустых пассажирских.

Для себя освобожденцы и зерно придерживали, и крупы... сволочи!

Впрочем, Валежный тоже не торопился все раздавать, отлично понимая, что в городе предстоит налаживать нормальную жизнь. И сколько времени это еще займет?

Ох, много...

В эту ночь он спал спокойно.

Пусть всего четыре часа, но сон его был глубокий и крепкий. Сон победителя.

Он не стрелял из пушки, он не шел в атаку на вражеские позиции, но никто и не знает, что он сегодня пережил. Умирать самому легко, миг – и тебя уже нет. Отправлять на смерть других намного тяжелее.

Понимать, что от тебя зависит судьба миллионов людей...

Выдержат ли такое плечи?

На рассвете Валежного разбудил денщик:

– Антон Андреич, просыпайтесь...

– Чего тебе, Силантий?

Просыпаться не хотелось. Валежный ворчал, отчетливо понимая, что сейчас встанет и пойдет разгребать дела...

– Так батюшка пришел. Цельный епископ, значит. На коленях стоит, умоляет разрешить ему службу провести.

Валежного из кровати аж подбросило.

– Чего ты ждешь, олух?! Сюда веди!

Воцерковленным Антон Андреевич никогда не был. Сложно испытывать уважение к церкви, находясь при дворе. Если кто Синод видел, слышал...

Ей-ей, Валежному их иногда хотелось крысиным ядом засыпать. И не факт, что подействует! Неужели Творец не видит, какая грязь скопилась в Его храмах? Или так всегда? В супе наверх всплывает грязная пена?

Наверное...

А вот верующим Валежный при этом был. Понятно же, что мир сотворен Творцом, что человек сотворен Творцом, что мы его дети... что тут такого удивительного? И чтить Творца нужно.

Только вот...

Полковой священник, отец Георгий, погиб. Геройский ба-

тюшка был, под огонь лез, чтобы раненым помочь, ну и не уберется. Солдаты горевали, Антону тоже грустно было. Но найти нового?

Освобожденцы особенно жестоко относились к священникам. Могли дворян не расстрелять, но священников не отпускали никогда.

Почему бы?

Четкого приказа от Пламенного не было. Не было выпущено никакой бумаги, не было указа. Но...

Их убивали. Монастыри сжигали. Тем, кто собирается править телами и душами людей, конкуренты не нужны. Все просто.

А тут...

Валежный быстро одевался – хоть и генерал, но не безрукий же! Не прошло и десяти минут, как в палатку шагнул старик лет шестидесяти.

– Епископ Сарский Даниил, – коротко представился он.

– Благословите, владыко, – выдохнул Валежный.

Не важно, что священник одет не в рясу, а в простые штаны и тулуп.

Не важно, что он давно не стрижен и откровенно... попахивает. Ванную-то в старом храме никто не устроил.

Но его глаза...

Они прямо-таки сияли нездешним светом. И становилось понятно, что епископ не лжет.

– Будь благословен, чадо, во имя Его. Попроси собрать

людей, я проведу службу. Во имя тех, кто защищает родную землю...

Конечно, Валежный распорядился.

И на службе присутствовал.

И к причастию подошел, и исповедался, как все...

Страшное рассказывал епископ. Служил – и плакал. Плакал о тех, кто не дождался, кто не успел...

Он остался при войске. А Валежного ждали дела.

И дела эти были жуткими.

Город оказался в ужасном состоянии. Все население, враждебное идеям Освобождения, то есть практически все состоятельное, образованное, дворянское население было истреблено. Практически все.

Часть дам оставили для личного употребления.

Трупы скидывались в овраг за городом. Хоронить всяких высокородных?

Пусть гниют!

Человеческое отношение? Нет, не слышали.

Когда епископ рассказывал, как расстреливали монахов, как врывались толпой в дома, убивали, грабили, насиловали, он плакал. Слезы текли, и мужчина не утирал их.

Валежный и сам заплакал бы.

Но – нельзя. Если не он, то кто почистит эти конюшни? Или точнее – свинюшни. Все улицы города были завалены мусором. Просто – все.

Раздор, разруха, кошмарное зрелище...

Валежный сжимал кулаки и клялся, что повесит всех освобожденцев кверху ногами. Пламенного – особенно. Снимет, даст отдышаться – и опять повесит. Не будет мразям легкой смерти.

Не будет!!!

Люди выходили на улицы.

Они не кричали, не кидали вверх шапки. Они молча стояли и смотрели. Многие плакали. И столько счастья было в их глазах.

Столько доверия...

Вы пришли!

Вы – пришли!!!

Валежный не сразу заметил, что епископ хочет о чем-то с ним поговорить. О чем бы?

Но молчал. Не стал спрашивать. Сам скажет... и Даниил действительно не утерпел.

– Тор генерал, мне бы на пару слов... знаю, что не поверите, а все же...

– Слушаю?

Даниил огляделся по сторонам. Да уж, такое человеку скажешь, так пальцем у виска повертит. Но и не сказать нельзя.

– Я молился перед вашим приходом. Когда загремели орудия, я молился за вашу победу.

Валежный вежливо слушал. Спасибо, конечно, за молитву, может, и она помогла. Кто чем может...

– И мне было видение. Ко мне явилась владычица.

– Владычица?

– Хелла, – тихо сказал епископ. – Владычица льда...

Валежный кивнул.

Да, и так ее называли. Бывало. И молились ей, тоже случалось. Он знал и никогда в войсках не пресекал – зачем? Кому Творец, кому еще что... если солдат знает, с какой стороны у винтовки штык, пусть хоть козе молится. Генерал на это внимания не обратит.

Все мы дети Творца.

– Я не думал... она сказала мне, что императорская кровь – жива.

Валежного словно плетью хлестнули.

– ЧТО?!

От Изюмского он получал определенные сведения, но там все было зыбко, расплывчато, то ли да, то ли нет... без подтверждений. А тут...

– Императорская кровь жива. И скоро будет здесь. Надо полагать – в Сарске.

Валежный едва не спросил, уверен ли епископ. Потом понял, что вопрос дурацкий. Понятное дело, не думал бы – не сказал. А уж как эта информация согласуется с той, что есть у него...

Отлично она согласуется. Осталось организовать фильтр, чтобы поймать... да. Будущую императрицу.

Любой идее нужно знамя. У освободителей, как Валежный ни мечтал пристрелить Пламенного, такое знамя было.

Умный, талантливый, харизматичный лидер, умело зажигающий толпу. А вот у них...

Разобращение. Вот в чем их беда.

У них не одна голова, их несколько. Он сам, Логинов, Алексеев, казаки, свободные отряды... да много всего.

Будет знамя – будет все остальное. Но...

А если эта императорская дочь окажется такой же, как Петер?

А, плевать!

У императора не было сыновей, а дочери... дочь можно выдать замуж! Сам Валежный был давно и счастливо женат, но неужели никого не найдется? И замуж выдадим, и коронуем...

Что сама будущая императрица об этом подумает?

А вот это Валежного не волновало. Ни в малейшей степени. У него страна, у него беда, а он думать будет? О бабских чувствах?

Идите вы... жамы! В книжную лавку за романами! А у него работы – не разгрести.

Анна, Россия

– Аня...

Кира вошла подозрительно тихая и умилительная. Анна оторвалась от комнатного растения, за которым как раз ухаживала, и прищурилась.

– Что случилось?

– Почему сразу что-то должно случиться?

Понятно. Комнатным растениям придется подождать. Анна взяла на себя еще и эту обязанность – ее учили. И теперь удобряла, пересаживала, опрыскивала... Гошка с удовольствием помогал маме.

Вот и сейчас они пересаживали очень симпатичный кактус. Гошка как раз за горшком ушел, а Аня землю готовила.

– Кира, я тебя люблю, но...

Девушка умилительно надула губы.

– Ань, поможешь?

– С чем?

Действительность превзошла худшие ожидания Анны. У девочки намечалось свидание с Витей!!! С тем самым безмозглым мажором! И Кира хотела, чтобы Аня помогла ей одеться. Накраситься. А еще...

Уговорить отца отпустить ее на свидание.

Борису Викторовичу очень не нравилась сама идея свиданий, на которые будет ходить его несовершеннолетняя дочь. А уж как ему не нравился Витя!!!

Кира надула губы и пошла к Анне. Анна схватилась за голову.

Допустим, она была согласна с Кирой. Такой опыт тоже нужен. А как еще повзрослеть? Понятно, свидание должно проходить под контролем, чтобы в любой момент кто-то пришел на помощь, но...

Анна подозревала, что тут коса найдет на камень.

Как вариант, Борис Викторович предложит Анне пойти с девушкой в качестве дуэньи. И либо она испортит отношения с Кирой, либо с ее отцом.

Срочно требовался третий вариант. Причем такой, в котором можно было бы показать всю тупость, ограниченность и нелепость означенного мажора.

Анна задумалась, постучала ногтями по цветочному горшку, а потом ей на помощь пришла память Яны.

– Кирюша, солнце мое, а если начать с малого?

– С чего именно?

– Вот смотри, ты хочешь встречаться с Витей. Так, чтобы не раздражать папу. А папа хочет, чтобы ты была под присмотром во время этих свиданий.

– Ну да... только как это совместить?

– Клуб. У нас в городе есть клуб «Скалолазка». Сообразила?

Кира посмотрела на Аню. Подумала минуту, прокручивая в своей голове варианты. И с диким воплем едва не снесла стол:

– Анечка!!! Ты – ЧУДО!!!

– Спокойно, я хочу быть живым чудом.

– Ты – МОЕ ЧУДО!!!

И Кира умчалась к отцу.

Аня довольно улыбнулась и пошла мыть руки. Кактус придется пересадить позднее, чует ее сердце. Скоро ей придется

отправляться к работодателю.

* * *

Сказать, что Борис Викторович был доволен? Это значило злостно преуменьшить его ощущения. С тех пор как он нанял для Киры гувернантку, его жизнь стала...

Да чудесной она стала, если честно!

Понятно, на работе бывало всякое. Тут и стрессы, и нервы, и скандалы, но дома! Любой воз можно потянуть, если у тебя есть надежный, крепкий тыл. Пока мать была жива, Боря был спокоен.

Дома порядок, Кира присмотрена, все хорошо. Но стоило матери умереть, как началось... отбилась от рук дочь, начался беспорядок в доме, Роза Ильинична все же хозяйкой не была... не такой, как мать...

Когда пришла Анна, он не ждал от нее многого. Пусть хоть какое-то время продержится, а там он новую гувернантку найдет. Из Москвы, с рекомендациями... Уже на сайтах смотрел.

Не понадобилось.

Кира внезапно притихла. Успокоилась, перестала походить на папуаса в боевой раскраске, начала более-менее нормально общаться с отцом. Боря решил подождать, посмотреть, что будет дальше.

И был вознагражден вкуснейшей стряпней Анны. Как ока-

залось, у милой девушки не просто кулинарный талант... с точки зрения желудка там речь шла о гении. Признанном единогласно.

Вы битую говядину не пробовали? С грибным соусом? Сальник с телячьей печенкой? Цыплят под соусом с крыжовником? Сыр сладкий малиновый, холодец из вишен...

Да от одних воспоминаний как бы слюной документы не закапать...

Потом с облегчением вздохнула Роза Ильинична. Ее могли не послушаться. Привезти что-то не то, поспорить, поругаться, поворчать...

С Анной это было невозможно. Мигом уменьшились расходы на домашнее хозяйство.

Потом комнаты стали чище, простыни и подушки запахли лавандой и мятой, причем не химическими отдушками, а натуральными травами, Боря точно знал, он с той химии чихал не переставая. Сами собой отчистились ковры, подклеились и обновились обои, постирались шторы...

Сам бы он мог и не заметить. Но Роза Ильинична Анну нахваливала, не закрывая рта.

Анна вроде бы ничего и не делала. Вообще... А Новый год?

Можно подумать, он не понял, кто сделал из его маленькой девочки королеву вечера, кто научил ее, кто натаскал, кто... да, Кира выросла рядом с Анной. И становилась немножечко другой. Боря чувствовал инаковость гувернант-

ки, но в чем она заключается, сформулировать не мог. И в то же время...

Он ловил себя на мысли, что ищет Анну глазами.

Что радуется, когда Кира по вечерам выбегает ему на встречу и бросается на шею, а Анна выходит вслед за ней и улыбается.

Что ему нравится общаться с Гошкой. А собирать с ним свежескупленную железную дорогу – вообще восторг. И ворчание Анны совершенно не раздражает.

Как будто они... семья?

Но семьей он должен быть с Лизой! Она красивая, умная, статусная, она будет хорошей женой и матерью его детей, она дочь его давнего делового партнера, она...

Она не впишется в эту картину мира. Все разрушит и сломает. Именно поэтому Боря предпочитал последнее время встречаться с ней в городе, водил ее по ресторанам, по модным клубам, но не приглашал домой.

Не мог.

Не хотел?

Сам не знал ответа...

В дверь кабинета тихо постучали.

– Войдите, – откликнулся он. И точно знал – Анна.

* * *

Анна вошла с улыбкой, принесла с собой запах лимона и

мяты, улыбнулась.

– Борис Викторович, добрый день.

– Здравствуйте, Анна.

– Борис Викторович, у меня к вам серьезный разговор.

– Слушаю. Да вы присаживайтесь, может, вам что-то налить?

– Тоник, – выбрала Анна. – Просто, без всего.

Горьковатый хинный привкус ей нравился, и портить его алкоголем девушка совершенно не хотела.

Боря послушно плеснул в стакан прозрачную жидкость, добавил льда из маленького бара.

– Прошу.

– Спасибо. – Анна коснулась губами ободка бокала, вскинула глаза. Сделала маленький глоток, улыбнулась.

– Кира влюбилась.

– Что?!

– И, боюсь, в совершенно неподходящего парня. Ее одноклассник, некий Виктор, фамилии не знаю.

– Сорокин?

Анна пожала плечами:

– Возможно. Кира упоминала, что его отец бизнесмен, а парня перевели в ее школу только в этом году.

– Тогда точно Сорокин.

Очень хотелось материться. Нельзя. То есть можно, но в присутствии Анны матерщина как-то не шла с языка.

– Кира ничего приличнее найти не могла?

Анна развела руками:

– Не знаю. Сердцу не прикажешь. А первая любовь... это бывает очень больно.

– Особенно с таким уродом. Что вы предлагаете?

Анна лукаво улыбнулась. И Боря вдруг поймал себя на чисто мужской реакции. Вот как-то так у нее получилось, обычно Анна выглядела как Мэри Поппинс из детского фильма, красивая, но не сексуальная. А сейчас...

Ровно на одну секунду что-то в ней дрогнуло, исчезло – или, наоборот, проявилось. Как солнечный лучик скользнул по зеркалу. И у мужчины аж вся шерсть дыбом встала. И не только шерсть.

Всего доля секунды, но ему хватило. Да, такую женщину другим показывать страшно. Уведут! Увезут и спрячут... он и сам бы... Спрятал!

Пришлось срочно ретироваться за стол, чтобы девушка не увидела его реакцию. Так безопаснее.

Доля секунды – и снова вернулась прежняя привычная и уютная Анна.

– Я предлагаю помочь Кире разлюбить этого типа. Конечно, о серьезных встречах наедине не может быть и речи...

– Еще бы! Моя дочь ему не телка из клуба!

– Но если ей запретить, Кира только больше захочет новую игрушку. И наделает глупостей. Поэтому я прошу вас оплатить нам с Кирой два абонеента в клуб «Скалолазка».

Боря подумал пару секунд. И расплылся в широкой улыб-

ке.

– Анна, солнышко! Четыре абонеента!

– Почему четыре? – удивилась Анна.

– А мы с Георгием не в счет?

Анна вспыхнула румянцем.

– Сыну я абонемент оплачу сама...

– Цыц! Считайте это накладными расходами. А я буду приходить время от времени.

Борис мгновенно оценил идею.

Клуб «Скалолазка» в городе не очень известен. Потому как рекламировать его не стремятся. Он не пафосный, не понтовый, не гламурный, и евроремонта там нет. Ребята вообще арендовали старый склад у завода и ремонт делали чуть ли не своими силами, знает он тех парней. Так, шапочно, но знает.

Хорошие мальчишки, сами студенты, но ведь работают! Тянутся!

Так вот.

В клубе был устроен скалодром, батутный центр, тут можно и в шариках по уши попрыгать, и на батуте, и на разных снарядах потренироваться, и по веревкам-канатам ползать...

Будет ли польза от их затеи?

Народ пока шел.

Место было выбрано удачное. Завод располагался чуть ли не в центре города, там и парковка была, и работали ребята

круглосуточно...

Открыли маленький бар прямо в клубе, договорились, получилось неплохо...

Почему там?

Вроде и все под присмотром, и камеры везде, и не уединишься. С другой стороны, раз уж пришли...

– Вы планируете затащить Киру на скалодром?

– Почему нет? Ей интересно, она пару раз говорила. Гошка уж точно полазить не откажется, а там посмотрим. Может, кто и поприличнее найдется? Не этот... хорек?

– Вам Виктор тоже не понравился.

– Мне Виктор тоже не понравился, – подтвердила Анна.

– Оплачивайте четыре абонемента. Я тоже буду приходить, – решил Боря.

Анна кивнула. Утвердила детали и вышла из кабинета. Уже вполне обычная, спокойная...

Но что это было?

Что проскочило между ними в полумраке комнаты? Почувствовала ли это сама Анна? И если да...

Борис задумался. Потом взял со стола бокал, оставленный Анной. Чистый. Ни капли помады. Медленно коснулся губами прозрачного ободка в том месте, где касались ее губы.

Что с ним такое творится?

Не понять...

Или наоборот – все ему понятно, только признавать не хочется?

– Вау!

Других слов у Киры не было.

Папс не скупился.

Он оплатил и самый дорогой абонемент в «Скалолазку», и костюмчик, и амуницию, и даже личные занятия с тренером для Киры. Тренером, кстати, оказался молодой парень лет двадцати пяти. Веселый, худощавый, с каштановыми растрепанными волосами и добродушной улыбкой.

– Матвей. Можно сокращенно – Мотя.

Кира фыркнула, оценив имя.

– Не дразнили вас в детстве?

– На «ты», хорошо?

– Хорошо. А все же?

Ей пришлось получить насмешек из-за своего имени. Называют родители, а расхлебывают дети. Вот если б она сама могла себе имя выбирать, к примеру, Елизавета. Или Екатерина...

– Дразнили.

– И как?

Матвей показательно согнул руку, демонстрируя бицепс.

– Примерно – так. Очень хороший рецепт, случись что – бить в нос.

Анна смотрела на это и улыбалась. Она лично съездила в

клуб, оплатила абонемент, посмотрела на каждого тренера, пару минут поговорила и выбрала Матвея. Все ребята были достаточно близки к Кире по возрасту, но Матвей подходил больше всего. На его фоне Витя покажется особенно нелепым и напыщенным.

О, а вот и оно! Всплыло.

Витя оделся модно. Круто, клево и понтово. Спортивный костюмчик, явно какой-то модной фирмы, кроссовки, которые даже выглядели безумно дорогими, сбруя из ремней... Анна и половины не понимала – зачем? Вот на Матвее столько нет, а он-то тренер?

– Привет, – покраснела Кира.

– Кирюха, привет. Не думал, что твой шнурок тебя развлекаться отпустит. Пошли, грохнем по пивасику?

Матвей поднял брови:

– У Киры Борисовны, юноша, оплачено индивидуальное занятие.

– Так перенесите его на полчаса?

Матвей коварно улыбнулся, понимая, что за птицу к ним занесло. Но клиента терять не стоило.

– Я вам предлагаю иной вариант. У вас включены индивидуальные занятия?

– Да.

Дешевый абонемент не для Вити. Только самое дорогое и лучшее. Все включено.

– У нас сейчас Леша освободился, один из самых грамот-

ных тренеров. Он бы вас полчаса погонял, а потом вы вместе пива выпьете? Безалкогольного.

– Фу, помои.

– Другого не держим, здесь все же спортивный клуб.

Витя скривился, но задумался. Дело решил Гошка.

– А можно лучше я с Алексеем позанимаюсь? Если он лучший?

Анна посмотрела на сына. Вот о скалодроме ему не стоило даже думать в ближайшие пару лет. И они это обговорили. Гошка здесь для небольших нагрузок. Очень дозированных.

Но...

Покушения на ЕГО тренера Витя спустить никак не смог. Да еще и на лучшего!

– Потерпишь, малявка.

Гошка скорчил расстроенную мордочку, которая могла обмануть любого постороннего человека. Витю и обманула. Но Анна только головой покачала. Он же еще в школу не ходит, откуда такие запасы коварства? Ведь явно нарочно...

Кира тоже что-то заподозрила, но Витя уже тянул ее за руку к скалодрому.

– Пошли, щас залезем...

– Молодой человек, у девушки не настолько хорошая физическая подготовка, как у вас, – вмешался Матвей. – И мышц у девушек меньше. Ей нужно разогреться, сделать растяжку, а потом она к вам присоединится. Вы начинайте, а мы подхватим... Леха, поработаешь?

– Запросто.

Амбал, который спустился со второго этажа, мог своим видом и слона остановить. На скаку.

Здоровущий, бритый налысо, зато с бородой, весом под сто килограммов. И видно, что это не жир. Просто мышцы. Высушенные, плотные, рабочие. Спортивные штаны, майка-алкоголичка, несколько цветных татуировок...

Жуть – жуткая.

Витя сглотнул, но спорить не решился. Правильно, кстати говоря.

Анна тоже не решилась бы. С таким ночью встретишься – потом не раз перекрестишься.

Впрочем, свое дело мужчина знал и ровно через пять минут загнал Виктора на скалодром. Где парень и прилип на высоте трех метров. Вдруг оказалось, что выступы маленькие, падать больно, страховочный трос какой-то подозрительно тоненький, а жить хочется. И вряд ли амбал будет тебя ловить на руки.

Матвей тем временем заставил Киру сделать несколько упражнений, тоже обвязал страховкой и загнал на стену. Пока – на высоту метра от земли. Погонял по вертикальным, по горизонтальным зацепам...

Анна наблюдала краем глаза за Кирой, краем глаза за сыном, который прыгал в громадном бассейне с синими пластиковыми шариками и выглядел безумно довольным. Потом Георгий захотел отправиться на батут, но Анна отлови-

ла его, усадила, посчитала пульс и попросила успокоиться.
Успеет еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.